

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЛУЦИЙ ЭМИЛИЙ САБИН

ПИСЬМА
К ЛУЦИИ

ОБ ОРУЖИИ И ЭРОСЕ

Античная библиотека. Литература

Эмилий Луций
Письма к Луцию
(Об оружии и эросе)

«Алетейя»

2011

Луций Э. С.

Письма к Луцию (Об оружии и эросе) / Э. С. Луций —
«Алетейя», 2011 — (Античная библиотека. Литература)

ISBN 978-5-91419-423-6

Сборник писем к одному из наиболее выдающихся деятелей поздней Римской республики Луцию Лицинию Лукуллу представляет собой своего рода эпистолярный роман, действия происходят на фоне таких ярких событий конца 70-х годов I века до н. э., как восстание Спартака, скандальное правление Гая Берреса на Сицилии и третья Митридатова война. Автор обращается к событиям предшествующих десятилетий и к целому ряду явлений жизни античного мира (в особенности культурной). Сборник публикуется под условным названием «Об оружии и эросе», которое указывает на принцип подборки писем и их основную тематику — исследование о гладиаторском искусстве и рассуждения об эросе.

ISBN 978-5-91419-423-6

© Луций Э. С., 2011

© Алетейя, 2011

Содержание

Свет, сияющий в имени	5
Письмо I	11
Письмо II	14
Письмо III	20
Письмо IV	31
Письмо V	34
Письмо VI	40
Письмо VII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Луций Эмилий Сабин

Письма к Луцию (Об оружии и эросе)

Свет, сияющий в имени Предисловие о первом авторе

Ничто не отображает историю того или иного общества столь рельефно, как история той или иной отдельной его реалии. А оружие, причем не просто оружие, а оружие гладиаторов, как и вообще вся *gladiatura*, были совершенно особой реалией Рима не имевшей, в сущности, аналогов в истории других народов.

Этой особой, очень римской реалией римской истории и был посвящен некий так и не завершённый (во всяком случае, не сохранившийся) историко-эрудиторский труд Луция Эмилия Сабина, под именем которого мы представляем вниманию читателя сборник писем «*De armis et amoribus*». «Письма» Луция Сабина написаны одновременно с подготовкой его исторического труда, став в определенном смысле «дополнением» к последнему. И действительно, кое-где в «Письмах» проскальзывают наблюдения и рассуждения исторического характера. Конечно же, это – только тень истории. Однако одно из преданий о Фалесе Милетском (вошедшее в историю математики) гласит, что ученый вычислил высоту пирамиды по ее *тени*, дождавшись того часа, когда высота человека совпадает с длиной его тени.

Письма «Об оружии и эросе» – не попытка осмысления истории. Это своего рода отображение истории через две дополняющие друг друга и переходящие друг в друга стихии – через *оружие* и *эрос*. Восприятие исторических событий, как и всей жизни вообще, у Луция Сабина происходит главным образом через историю оружия вообще и историю гладиаторского искусства в частности, т. е. через *оружие* («объективный план»). В некотором смысле это восприятие происходит и через любовные (в широком смысле) переживания автора писем – то, что сам он называет *стихией эроса* («субъективный план»).

Письма «Об оружии и эросе» написаны на фоне бури, пронесшейся по всей Италии – из ее середины, изнеженной Кампании, к суровым северным пределам – Альпам, затем (так и не достигнув Альп) обратно к ее южной оконечности, стремясь взорваться новым восстанием на Сицилии, а оттуда – снова внутрь Италии, где эта буря как бы исчерпалась, хотя отголоски ее продолжали греметь в разных областях еще, по крайней мере, десять лет.

Речь идет об одном из самых ярких в истории человечества восстаний – восстании Спартака, уже само имя которого стало почти символом понятия *восстание*. Это было *ничто*, грозившее ниспровергнуть не только Рим, но и сами основы всего тогдашнего мироздания – весь порядок античного мира. Таковым восстание Спартака осталось в восприятии (если не в историографическом, то, по крайней мере, в эмоциональном) двух последних веков европейской истории. Восстание Спартака стало совершенно особым взрывом в римской истории, в ее величайшую эпоху – эпоху гражданских войн, «накануне» возникновения таких величайших в мировой истории феноменов, как Римская империя и христианство.

Этот взрыв составляет не только фон, но и некую объективно существующую среду, в которой писались и неизвестные нам изыскания Луция Эмилия Сабина из истории оружия и сами его «Письма». Однако этот сборник не случайно посвящен *оружию* и *эросу*. Автор «Писем» искренне увлечен поисками древнего и вообще необычного оружия и, кроме того, самозабвенно *влюблен во влюбленность*, а потому весь победоносный ход враждебного ему восстания – от низвержения гладиаторов с Везувия до битвы при Мутине – пронесется на протяжении написанных на юге Италии «капуанских» «Писем», словно полет молнии, словно

некий *молниеносный удар* меча или *молниеносный удар* эроса. И другие ключевые моменты Спартаковского восстания – поход на Сицилию и последовавший за ним прорыв через ров, прорезавший Калабрию, и продолжение восстания уже после его поражения, «рассыпавшегося множеством малых и неумно жадных новых пожаров», – тоже получили свое выражение в «Письмах», став своего рода «фоном» к их эротизму. А потому, как их автор, действительно, жил, осмысливая и переживая и *ars gladiatoria* и *ars amatoria*, восстание, полыхавшее в Италии, заставляло пылать его эротизм еще сильнее.

Если посмотреть на текст Писем с точки зрения отображения «внешнего мира» – отношения к истории, восприятия истории, в них явно прослеживается усиление, «нарастание» историзма. При этом постоянно нарастает и ощущение стихии эроса: эротизм здесь тоже следует линии *crescendo*. Таким образом, дополняют друг друга уже не две, но три стихии – оружие, эрос, история.

* * *

«Да поможет нам обоим свет, сияющий в нашем имени, Луций»...

С такими словами обращается некий *неизвестный* (или *почти неизвестный*) из античных источников¹ римлянин по имени Луций Эмилий Сабин к своему другу – одному из самых выдающихся римлян не только своей эпохи, но и всей римской истории, одному из *вечных символов* Рима – Луцию Лицинию Лукуллу.

Впрочем, именно по причине этой известности о Луции Лукулле и необходимо сказать несколько слов. У читателя, имеющего самое поверхностное представление об античности, имя Лукулла ассоциируется со знаменитыми *Лукулловыми пирами*. Читатель, которому римская древность ближе, вероятно, помнит, что, наряду с *Лукулловыми пирами*, не менее известными по тем временам были *Лукуллова монета*, *Лукулловы сады*, *Лукуллова библиотека*.

Самое раннее из упомянутых явлений – «*Лукуллова монета*». Такое название получили деньги, чеканившиеся на Пелопоннесе во время разгрома Греции, учиненного Суллой. Чеканить деньги из награбленных сокровищ Сулла поручил Лукуллу, по-видимому, принимая во внимание, по крайней мере, два из присущих последнему качеств, необходимых в столь важном деле и при столь сложных обстоятельствах, – несомненную порядочность (естественно, в определенных пределах) и практический склад ума. Впрочем, несмотря на то, что в античности Лукуллова монета ассоциировалась именно с именем Луция Лукулла, в новейших исследованиях высказывался взгляд, что чеканка этих денег приходится на время поездки Луция с дипломатической миссией в Египет и, таким образом, выпускал Лукуллову монету его брат Марк Лукулл. Для нас это уточнение не имеет особого значения, поскольку, во-первых, действия братьев были всегда согласованы (отношения между Луцием и Марком Лукуллами были одним из ярчайших примеров братской любви и согласия в Риме), а во-вторых, особого внимания заслуживает второй этап выпуска *Лукулловой монеты*, приходящийся на время пребывания Луция Лукулла в Малой Азии в период той же Первой Митридатовой войны. Именно там благодаря «*не только чистоте и справедливости, но и мягкости*»², довольно трудно совместимым с проведением четких административно-финансовых мер, Лукуллу удалось деяние исключительно трудное – вновь привлечь на сторону Рима греческие города Малой Азии, незадолго до того потрясенные кровавым взрывом патологически патриотической ненависти ко всему римскому.

¹ Можно предполагать (но только предполагать) тождество автора «Писем» с неким Сабиним, другом Цицерона, о котором упоминает в «Жизнеописании Цицерона» Плутарх (25, 1). Однако упоминаний об этом Сабине в произведениях самого Цицерона нет, как нет упоминаний там упоминаний и о недруге Сабина – подзащитном Цицерона Мунации (опять-таки, предположительно Клуенции).

² Плутарх. Лукулл. 4, 1.

Судьбе Лукулла, а равно и судьбе Рима, было угодно, чтобы блеск Лукулловой монеты затмил блеск Лукулловых побед в войне с Митридатом, в той, *Первой Митридатовой* войне. Уже тогда Лукуллу представился прекрасный случай завершить войну и покончить с Митридатом раз и навсегда, однако для этого требовалась действовать заодно с политическими противниками Суллы в самом Риме, и Лукулл отказался³. Было ли это следствием особой моральной щепетильности или, может быть, особой аристократической брезгливости Лукулла, подмеченной еще античными авторами? Если это, действительно, было так, то Судьба щедро воздала Лукуллу за эту щепетильность, сделав его главным героем великой эпопеи – войны с Митридатом, начавшейся весной того же года (73 г. до н. э.), к которому относятся первые письма «Об оружии и эросе».

Война, которую вел Лукулл на Востоке, вошла в историю как *Третья Митридатова* война, хотя по существу она заслуживает названия *Лукулловой* войны: никто из римских полководцев не продвинулся прежде на Восток так далеко, как Лукулл, а так успешно не действовал на Востоке никто и после Лукулла. Он первым из римских полководцев стал тем, что получило в новой исторической литературе определение *emulatio Alexandri*, «подражание Александру», т. е. соперничество в славе с Александром Македонским.

Забегая несколько вперед в историю, вспомним, что и здесь Лукулл, безусловно, возобладал над своим соперником в богатстве и славе – грубоватым и хищным Марком Лицинием Крассом, победителем Спартака, о котором Луций Сабин, к сожалению, упоминает крайне редко, а если и упоминает, то только с чувством легкого презрения, в буквальном смысле слова *игнорируя* его. Значительно чаще в «Письмах» (не вошедших в настоящий сборник) упоминается сын Красса Публий – ученик, как и оба Луция, Александра Полигистора, прославившийся доблестью во время Парфянского похода своего отца.

Вполне возможно, что Лукулла считали бы величайшим полководцем своего времени, если бы время, в которое он жил, было *уже не* его (вспомним эпоху Сципионов), а, может быть, *еще не* его временем: для эпохи гражданских войн в Риме он был слишком изыщен.

«Примечательно, что война, по-видимому, вообще внушала Лукуллу ужас. Не однажды пытался он спасти от разрушения взятые приступом города, но каждый раз вынужден был уступить собственным солдатам, для которых грабеж и обогащение составляли единственную цель войны. Лукулл с упорством и энергией продолжал кампанию и оплакивал беды, которые она за собой влекла»⁴. Такую, звучащую вполне по-«античному» характеристику дает Лукуллу один из известных историков новейшего времени.

Заметим попутно, что не менее страстным поклонником греческой образованности и греческой культуры в целом был и Луций, пишущий к Луцию, несмотря на то и дело подчеркиваемое им презрение к окружающим его грекам – презрение, кажущееся порой гиперболизированным. Кто знает: не исключено, что это презрение было дружеским подтруниванием над не менее гиперболизированным эллинофильством Лукулла?

Не будем говорить здесь о *Лукулловых садах* и *Лукулловых дворцах*, удивительным образом сочетавших изящество архитектуры и красоту окружающей природы, о *Лукулловой библиотеке*, основу которой составили книги, привезенные из Восточного похода, а что касается вошедших в современный обиход выражения *Лукулловы пиры*, заметим только, что до сих пор мы вкушаем от щедрот Лукуллова стола. Мы имеет в виду не какое-то роскошное, вычурное или изысканное лакомство, но столь привычный для нас – плод «рогатого дерева» *черешни*, появившийся в Европе с далекого черноморского побережья Азии благодаря заботам Лукулла.

³ См. Аппиан.

⁴ Пьер Грималь. Цицерон. М., 1991, с.147.

Ретроспективный взгляд на историю Рима отвел Лукуллу место не на поле брани, не на рострах и даже не в «садах Мецената», но за пиршественным столом. В нем не оказалось должной доли властолюбия и политической жестокости. Виной тому его мягкость (πραότης). В этом смысле Лукулл гораздо больше Адриану и Героду Аттику или Марку Аврелию, чем своим современникам. Он родился не в «свое время», да и не претендовал на то, чтобы быть «человеком своего времени»: такие характеры не идут во главе эпохи, но предпочитает оставаться рядом с ней, что зачастую бывает не менее трудно.

Однако вернемся от Луция Лукулла, *Луция известного*, к Луцию Сабину, *Луцию безвестному*, – к Луцию, который пишет Луцию.

Кто же был этот *другой* Луций? Пользуясь словами еще одного друга Луция Лукулла, знаменитого Цицерона, посвятившего Лукуллу вторую книгу трактата «Академические вопросы, I» и сделавшего его действующим лицом ряда своих «Диалогов», в определенном смысле автора «Писем» можно было бы назвать «вторым я» (alter ego) Лукулла.

Судя по «Письмам Луция к Луцию», эти два человека были ровесниками, близкими и до определенного времени неразлучными друзьями, идя рядом по одному и тому же жизненному пути. Мы узнаем, что оба Луция вместе проходили военную выучку в Пренесте, совсем юными участвовали в битве с кимврами при Верцеллах (или на Раудийских полях), вместе воевали под командованием Суллы в Греции во время Первой Митридатовой войны, где участвовали в битве при Херонее, в осаде Афин, вместе посетили Феспии (возможно, во время их совместной поездки в Дельфы, куда Луций Лукулл был послан Суллой за сокровищами). На некоторое время Луций Лукулл и Луций Сабин расстаются в 86 году до н. э., когда Луций Лукулл отправляется в Киренаику и Египет, но затем Луций Сабин приезжает к нему в Александрию, откуда они вместе едут на Кипр и по пути на Лесбос подвергаются нападению киликийских пиратов. Возможно, что именно на Лесбосе Луций Сабин познакомился с Гаем Юлием Цезарем – основателем одной из лучших гладиаторских школ. Во всяком случае, Луций Лукулл руководил осадой Митилены, а Сабин участвовал в боях за город, где, если верить Светонию, отличился Юлий Цезарь, служивший под командованием некоего Фирма⁵. Несмотря на восторженную характеристику гладиаторов Цезаря, его близким другом Луций Сабин не стал, в отличие от Цицерона, о встречах с которым он упоминает неоднократно с дружеской теплотой.

Выше мы уже упомянули, что на основании письменных античных источников можно только предполагать тождество автора «Писем» с Сабиним, другом Цицерона. Все прочее, что известно нам о Луции Сабине, т. е. практически *все*, известно из его же «Писем». А потому, на наш взгляд, если можно говорить о Луции Сабине, пребывающем в некоей реальной исторической среде, можно почти исключительно только в его соотношении с Луцием Лукуллом.

«Четырнадцать лет назад», – пишет в одном из не вошедших в настоящий сборник «Писем» Луций Сабин, – «в такой же прекрасный весенний день, в мартовские календы, мы взяли Афины⁶. Может быть, даже лучше, что с первым дуновением Фавония ты оправился в Египет и не видел, сколько прекрасных творений рук и мысли человеческой погубило тогда: зрелище разрушенного города Перикла удручающе подействовало бы на твою мягкую, чувствительную натуру. А я пошел тогда в рощу Академа. Все деревья там были начисто вырублены по приказу Суллы, равно как и все деревья в Ликее: чтобы вести осаду Акрополя, нужна была древесина. Такова неумолимость войны и неумолимость истории. Опечаленный, искал я алтарь Дружбы⁷, на который приносили жертвы Сократ и Платон, и еще больше опечалился,

⁵ Светоний. Божественный Юлий. II.

⁶ Речь идет о взятии Афин Суллой 1 марта 86 года до н. э. во время Первой Митридатовой войны. Упоминания об этих событиях содержатся также в Письме XII.

⁷ Этому алтарю посвящено стихотворение Аристотеля (фрагмент 146 Ross = *Олимпиодор*. Комментарии к «Горгию» Платона, pp. 214, 13–215, 11 p. 106).

не найдя даже следов этого алтаря. А сейчас эта печаль вызывает у меня улыбку. Не нужно искать *каменный* алтарь Дружбы: алтарь Дружбы пребывает в наших сердцах, Луций».

Уже сам тон «Писем» указывает, что этих двух людей с одним именем объединяло почти полное взаимопонимание. Иногда создается впечатление, что речь идет об одном и том же лице, что Письма Луция к Луцию – это Письма *к самому себе*. Пожалуй, едва ли не единственное, что *разделяет* эти две личности, – это их жизнеотношение, точнее способ и степень их соприкосновения с окружающей жизнью, с судьбами Рима. Степень этого соприкосновения была, на первый взгляд, совершенно противоположной: с одной стороны это – совершенный уход в свою личную жизнь и в прошлое Рима (в *археологию* в античном смысле этого слова), то, что именовалось по-гречески *λάθε βίωσας* «живи неприметно» (этический идеал эпикурейцев), с другой стороны – это самая динамичная, самая непосредственная причастность к славе нынешнего дня Рима, к славе в самом блестящем, самом *изысканном* ее проявлении. И тем не менее, мы не случайно оговорились: «на первый взгляд». Ибо, несмотря на весь блеск своей славы тот Луций, который был причастен истории в самом прямом смысле и был одним из творцов истории, Луций Лициний Лукулл, сколь парадоксально это ни звучит, тоже выглядит последователем *λάθε βίωσας* на фоне яростной, остервенелой борьбы за *первенство*, сотрясавшей Римскую Республику в последние десятилетия ее существования. Мы имеем в виду прежде всего его контраст исполинским фигурам первого триумvirата – Цезарю, Помпею и Крассу, разрушительная мощь которых до поры до времени словно нейтрализовалась по закону некоего политико-геометрического равнодействия и равновесия. Кстати, именно Красс, получивший от современников прозвище Богатый и наиболее контрастный Лукуллу в смысле «богатства», оказался наиболее слабым звеном в этом тройственном сочетании: он пал жертвой своей жадности славы и наживы, когда попытался повторить знаменитый Восточный поход Лукулла, нарушив совершенно изысканное чувство меры Лукулла, которое тоже сродни (!) *λάθε βίωσας*, несмотря на ослепительный ореол военных подвигов и роскоши, окружавших его имя. Это чувство меры, эту особую щепетильность и мягкость, словно противоречившие оставшемуся в веках показным «размаху», все это его оставшийся в полной исторической неизвестности друг называет в своих Письмах *изысканностью*. Этой же *изысканностью* – изысканностью своих чувств и переживаний – обладал в высшей степени и *другой* Луций – Луций Сабин.

Еще в одном из «Писем к Лукуллу», не вошедших в сборник «Об оружии и эросе», *другой* Луций пишет:

«Мы были неразлучны с тобой, Луций, во всех наших действиях и во всех наших устремлениях, во всех наших чувствах и во всех наших помыслах, вплоть до того дня, когда женскому божеству, которое мы называем Фортуна, а греки Тиха, не заблагорассудилось вдруг предстать перед тобой. Ты удержал эту женщину, сумел овладеть ею и, возможно, весьма и весьма пришелся ей по вкусу своими мягкими и нежными ласками. Грубых мужланов, которым она тоже отдавалась, причем с громкими, порой душераздирающими страстными воплями, эта сверхженщина бросала довольно скоро и зачастую довольно для них болезненно, к тебе же она возвращалась всякий раз. Она не оставляла тебя своими самыми щедрыми и изощренными и, главное, постоянными ласками даже тогда, когда ее сотрясало вдруг желание удовлетворить на стороне свою похоть с какой-нибудь сволочью. Ты остановил это женское божество, явившееся на твоём пути, Луций, и сумел привязать его навсегда к себе, а, возможно, оно и само к тебе привязалось. Что же касается меня, то Фортуна вряд ли являлась на моем пути, разве что я попросту не заметил ее. Но если бы она явилась мне или – если угодно – если бы я заметил ее, то скорее всего поступил бы с ней так же, как поступал обычно с нравившимися мне женщинами – либо упился бы с ней бурной страстью и тут же бежал бы прочь без оглядки, либо благоговейно взирал бы на нее издали, наслаждаясь исходящим от нее очарованием. Увы, мне

чужда твоя чуткая мягкость, Луций, чужда настолько, что я тут же ставлю под сомнение это *увьы*».

При всей их близости Луций, который пишет, и Луций, которому пишут, не тождественны друг другу. Впрочем, alter ego и не предполагает полного тождества. Обратившись к одному из самых ярких сравнений Писем, можно было бы сказать, что оба Луция – тоже отражения друг друга в зеркале, которое подернуто патиной старины, патиной истории. Один из Луциев предпочел замкнуться в своей личной жизни, предпочел обратиться к прошлому. Другой решительно (хотя опять-таки *изящно*) вошел в настоящее, и именно поэтому остался в будущем – в истории. Иными словами, Луций, который пишет Письма, был бы тождествен Луцию, к которому обращены Письма, Луцию Лукуллу, если бы Судьбе было угодно сделать так, чтобы Луций Лукулл остался *вне истории*, строго соблюдая и в жизни принцип *λάθε βιώσας*, который он принимал теоретически.

Все выше сказанное о подобии двух Луциев вызывает в памяти еще одно сопоставление, уже из области римской литературы: это Луций, который пишет не Луцию, а о Луции. Мы имеем в виду совершенно замечательного автора более поздней эпохи, одного из самых эротических писателей Рима и всей мировой литературы. Это – Луций Апулей, описывающий приключения некоего Луция и смотрящий на мир глазами этого Луция, к тому же превращенного в осла (не случайно, что самого Апулея обвиняли в магии)⁸.

Впрочем, зеркальное отображение – не только отображение в зеркале. Луций Сабин, не вошедший в Историю, но залюбовавшийся Историей, а потому и оставшийся вне Истории, среди своих страстей, – пожалуй, скорее отображение Луция Лукулла не в зеркале застывшем, но в зеркале живом. Это – как бы отображение в зеркале источника, который движется, колеблется, придавая тем самым еще больше движения не только отражаемому в нем человеческому образу, но и всему его окружению – небу с его солнцем и облаками, которые тоже движутся сами по себе, движению воздуха и колыханию деревьев над зеркалом вод, даже звукам, проносающимся над ним. Наконец, в самом источнике, под зеркалом вод, тоже совершается некая жизнь, и все это придает особое своеобразие отображаемому в источнике образу. Именно поэтому, в силу тройного движения зеркала вод (самой его поверхности, мира вне ее и мира внутри нее), не говоря уже о движении смотрящего в это зеркало человека, мы предпочли не представлять письма Луция к Луцию в их «подлинном» римском облике, но сознательно привнести в них *нечто*, что не могло быть выражено *тогда*, придав этому *нечто* римский облик: не забудем, что в источник можно не только смотреть – из него можно также испить.

⁸ Кстати, именно красивого, высоко эстетического Апулея советует почитать перед смертью тем, кто решил приятно уйти из жизни по собственной воле, замечательный переводчик Апулея на русский язык и не менее замечательный русский поэт Михаил Кузмин. А чтобы замкнуть до конца этот смысловой круг, упомянем, что наивные египетские песенки, которые читал в Риме другой Луций (Письмо X), удивительно напоминают одно из стихотворений «Александрийских песен» Михаила Кузмина.

Письмо I (Капитолийская волчица)

*Lucius Lucio salutem*⁹

Сегодня Капитолийская волчица¹⁰ снова смотрела на меня. Сегодня справляют *Vinalia priora*, праздник молодого вина¹¹: новая, молодая жизнь обретает в этот день силу, обретает многообещающую молодость в новорожденной пьянящей влаге и во всем, что есть на земле. Сегодня девушки и молодые женщины¹² спешат в храм Венеры Эрикины¹³ молить богиню наполнить их той же силой, которой уже начинает наполнять свой напиток Дионис, а мужчины не менее пылко желают исполнения женских молитв. *Новорожденная пьянящая влага* – еще только *calpar*: она еще не стала еще Дионисовым вином и по старинному обычаю ее возливают в честь Юпитера, но в ней – пылкое обещание молодости. Сегодня весна набралась силы уже настолько, что обещает перекинуться в лето. Но я ушел от лукавого смеющегося солнечного света в спокойный сумрак Капитолийского храма.

Капитолийская волчица снова смотрела на меня. Каждый раз, когда я прихожу к ней, смотрит на меня она, а не я на нее. Несмотря на то, что она из меди, а я – из плоти и крови. Скорее всего, именно поэтому. Века, собравшиеся в ее медном теле, стали уже вечностью, а ее кровожадная святость в *неизмеримое* множество раз превосходит мощь всех наших мечей и копий во всех сражениях, во все времена, во всех странах.

Когда я впервые увидел ее в детстве, некий ни с чем не сравнимый трепет пронзил все мое существо – удивительное сочетание радости и ужаса.

Смотрит всегда она, потому что ее взгляд сильнее.

Сегодня я пришел к ней, чтобы уйти от будоражающего опьянения, рассеявшегося вокруг храма Венеры Эрикины. Нет, не желание женской плоти само по себе вызвало во мне смятение, а то, что Венера дает свою *θελξινοος*¹⁴ силу в храме у Коллинских ворот, вынесенном за пределы Города. Словно кровь, обильно пролитая в сражении, дает особую силу женским ласкам. Словно особое безумие, которое овладевает воином в битве, сродни или почти тождественно неистовству постельной борьбы. Не потому ли и женщин, охваченных неумной похотью, равно как и женщин, сделавших ласки своим ремеслом, называют «волчицами»?

Направляясь к Капитолию, неподалеку от храма Квирина я увидел небольшую толпу. Оказалось, что она обсуждала предстоящие гладиаторские игры. Особенно оживленны были женщины. Украшавшие их розы выглядели необычайно ярко, и насыщенность их цвета напоминала кровь, которой предстояло пролиться. Глаза у женщин уже сверкали, в голосах их была

⁹ Луций желает здравствовать Луцию. Традиционное приветствие в начале римских писем.

¹⁰ Не известно, идет ли речь о знаменитой бронзовой статуе предположительно VI в. до н. э. – произведении греческого или этрусского искусства, находящемся ныне в Museo dei Conservatori в Риме. С XV века эта статуя стояла на холме Капитолии (в том же столетии изваяны дополняющие ее теперь фигуры младенцев-близнецов Ромула и Рема), тогда как ранее (по крайней мере, с X века) она находилась в Латеране. Цицерон (Против Катилины. III, 19; О ведовстве. I, 20; II, 45) сообщает о статуе волчицы с Ромулом и Ремом на Капитолии, которую поразила молния в 63 году до н. э., т. е. за 10 лет до описываемых событий.

¹¹ *Vinalia priora*, праздник молодого вина, справляли 23 апреля (см. Овидий. Фасты. IV, 863–900). Кроме *Vinalia priora*, римляне справляли также *Vinalia* или *Vinalia rustica* сельский праздник вина 19 августа и *Meditrinalia* 11 октября.

¹² Овидий (там же) недвусмысленно указывает, что речь идет о *публичных женщинах* (*puellae vulgares*).

¹³ В 217 году до н. э. по велению пророчества Сивиллиных книг Квинт Фабий Максим построил, а в 215 году до н. э. освятил храм Венеры Эрикины на Капитолии – первый храм Венеры в Риме. В 181 году до н. э. еще более знаменитый храм Венеры Эрикины был воздвигнут у Коллинских ворот Рима. См. также *Письмо XIII*. Эпитет Эрикина (т. е. Эрикская) указывает на древний культ богини на горе Эрике на Сицилии (см. *Письмо XII*).

¹⁴ Чарующую разум (*греч.*).

жадная хрипота, а ноздри хищно подрагивали, словно вбирая запах крови и изнеможения. Они показались мне в чем-то сродни гладиаторам.

Наш легион стоял у Коллинских ворот, изготовившись ворваться в Рим. Тогда впервые римляне взяли Рим. Это не вспомнилось: я никогда не забываю об этом.

В тот день, когда Луций Сулла велел нам стать у храма Венеры Эрикины¹⁵, близость богини любви и угроза смерти, притаившаяся внутри Рима за Коллинскими воротами громадой Квиринала¹⁶ с необычайной ясностью всколыхнула во мне то, что называют обычно первой любовью. Чтобы никогда не уйти из моей жизни, этот образ хранится в моей памяти, словно за неким прозрачным кристаллом, который делает его еще чище, прекраснее, нетленнее. Я почти уверен, Луций, что Лета, река Забвения, тоже кристалл. Только не всегда и не всюду прозрачный. Иногда он расступается, словно вода, и тогда мы видим образы, которые пребывали рядом с нами в прошлом. Вернее прошлое и настоящее обретают тогда единство.

Тогда, у храма Венеры Эрикины, обещающей нам неодолимую жизненную силу, перед Коллинскими воротами, за которыми нам, римлянам, грозила смерть от римских же мечей, я вдруг с совершенно невыразимой ясностью увидел ту девушку с греческим именем, благодаря которой впервые причастился к эросу.

Кристалл вдруг схлынул, словно и вправду был рекой.

Глаза женщин, которых я любил, всегда напоминали мне драгоценные камни. Ее глаза были тем дивным камнем *электром*¹⁷, который даже не камень, а застывшая мягкая слеза из плача по сыну Солнца, упавшему с неба в сказочную реку¹⁸. Эти теплые камни привозят с ледяного северного моря. Электр хранит внутри частицы не-каменных творений природы, которые придают ему особую, почти живую теплоту. У той девушки с греческим именем, которая время от времени приходит ко мне из кристалла памяти-забвения, есть черное пятнышко под зрачком в левом глазу. Когда она улыбалась мне, это пятнышко смеялось, как смеется в этот день каждый год молодое вино, обещая стать воистину божественной влагой.

Мы миновали Коллинские ворота, почти не встретив сопротивления, и прошли по Риму до самого Эсквилинского форума. Там мы соединились с двумя легионами Суллы, и тогда внутри Рима в первый и – надеюсь – в последний раз разыгралось настоящее сражение. Глаза из электра остались за пределами Рима у храма Венеры Эрикины, но сознание того, что мы сражаемся с римлянами внутри Рима, сковывало меня мутным опьянением, словно Сулла заставлял меня насильно совершать кровосмешение. Возможно, это жуткое недоумение испытывал не только я и не только мои соратники, но и воины Мария и Сульпиция. Однако затем, когда наши ряды грозили уже смешаться, Сулла вдруг сам схватил знамя и бросился с ним вперед. Тогда недоумение и страх окончательно обратились в неистовую ярость.

О, Луций, хвала богам за то, что они не дали оказаться нам у Коллинских ворот пять лет спустя!¹⁹

Сегодня смеющаяся похоть в женских глазах у храма Венеры Эрикины живо вернула меня в тот день, когда уходить из жизни не хотелось до умопомрачения, потому что уходом этим грозили нам римские мечи.

Поэтому я поднялся на Капитолий, и волчица снова смотрела на меня.

¹⁵ Этим легионом командовал Помпей. Речь идет о событиях 88 г. до н. э., когда назначенный командующий в войне с Митридатом, но затем смещенный с этого поста Сулла повел свои войска на Рим.

¹⁶ Один из семи холмов Рима.

¹⁷ *Электр* (досл. сияющий, *греч.*) – античное название янтаря.

¹⁸ Аллюзия к мифу о Фэтоне. Сказочная река, в которую упал Фэтон, – Эридан. Некоторые отождествляли Эридан с рекой Пад (совр. По) в Северной Италии.

¹⁹ 1 ноября 82 года до н. э. войска Суллы одержали в ожесточенном сражении у Коллинских ворот решительную победу над его противниками «демократами» и их союзниками италиками.

Ты предложил мне написать «Историю оружия», Луций. Почему-то сегодня я почувствовал себя пронзенным этой мыслью, словно мечом, копьем, стрелой. Сегодня женщины идут в храм Венеры Эрикины, чтобы получить силы для постельной борьбы, а мне все казалось, как сражаются два брата-близнеца, вскормленные Капитолийской волчицей, и Ромул долго убивает Рема.

Словно из-за того, что в последний день мне пришлось отказаться от отъезда в армию Помпея в Испанию и остаться в Риме, волчий инстинкт римлянина все равно обращает меня к оружию, пусть даже в ученых изысканиях.

Когда я вышел из храма трех богов²⁰, воздух вокруг был густо напоен запахами мяты и сисимбрия²¹. Глаза женщин на улицах Рима вонзались в мои, словно желая ослепить меня, и еще больше вонзались в мое тело.

И все равно Капитолийская волчица всюду смотрела на меня своими хрустальными глазами, а тело мое чувствовало зубы ее приоткрытой медной пасти.

²⁰ В храме Юпитера Капитолийского (Всеблагого Величайшего) почитали всю т. н. Капитолийскую троицу – Юпитера, Юнону и Минерву.

²¹ *Сисимбрий* – растение, схожее с кардамоном (или его разновидность). Семена обоих этих растений из семейства имбирных добавляли в вино для придания ему пикантного вкуса, а также оливковое масло для притираний, используя в качестве возбуждающего средства.

Письмо II (Аппиева дорога)

Lucius Lucio salutem.

Когда ночная темнота становится голубой и слегка золотится на востоке, когда влажные россыпи переливаются многоцветьем и их холодный блеск говорит, что это не слезы, а капли росы, когда неистово-нежный щебет оглушает отовсюду и множество окрыленных сердечек мечется в восторге между небом и землей, когда мягкое благоухание лавра наполняет воздух и грудь приятной горечью, когда округлые камни, соединяясь друг с другом, влекут вдаль и становятся дорогой, *когда...*

Я люблю это краткое слово, Луций. Оно – словно маленький мостик, мгновенно перекидывающийся в прошлое, – прочный и крепкий, если поешь его на нашем языке²² *cum*, и шаткий, едва ли не призрачный, если поешь его по-гречески *ὄτε*. Не потому ли, что мы, римляне, столь цепки и конкретны в наших исторических изысканиях, а греки непринужденны и порой самозабвенны даже в серьезном? Не потому ли мы словно вырываем прошлое кусками откуда-то из иного времени и из иной жизни вообще и, словно строительный материал, укладываем его в дорогу – прочную опору в настоящем и продуманный путь в будущее, тогда как греки свободно уходят в прошлое и живут в нем?

Я на Аппиевой дороге. Копыта мулов и колеса повозки стучат по ее камням, словно временные союзы исторических изысканий, а моя апулийская кобыла, спокойная и статная, как учитель наш Александр Полигистор²³, мягко покачиваясь, несет меня по мягкой и благоуханной земле Лация рядом с обочиной. Представляешь себе ритм этих движений – колес, копыт и временных союзов, Луций? Думаю, ни моя кобыла, ни наш Полигистор никогда не смогли бы уловить его, потому что Аэлла (имя кобылы, лишь в какой-то мере соответствующее ее нраву²⁴) – совершенное животное, о чем свидетельствует ее теплое пофыркивание на терпковатый запах лавра, а наш учитель – совершенный ученый, искренне увлеченный историей.

Я неподалеку от Ариции, вокруг меня утро, свежесть, птичье пение, и странное ощущение весны, несмотря на то, что лето уже налило виноград пурпуром и прозрачным золотом. И еще Аппиева дорога, которая увлекает на юг с такой восторженной силой, что я даже не сумел выстроить до конца первую фразу этого письма. Думаю, что ты удивлен. Когда-то ты знал точность и емкость моих немногословных фраз, приводивших в восторг любителей аттического стиля. Не удивляйся, Луций: прерывистая странность моего послания, пытающаяся объять необъятное, – луч солнца, переливы росы, шум утра, бьющийся о камни Аппиевой дороги, и саму дорогу, уводящую из Рима и влекущую в неведомую даль (забудем, что она кончается

²² *Наш язык (lingua nostra)* – обычное обозначение латинского языка у римских авторов.

²³ *Александр Полигистор* – греческий писатель-эрудит, родом из Милета. Расцвет творчества Александра Полигистора приходится на 70–60 гг. до н. э. в Риме, куда он попал в качестве пленника во время Первой Митридатовой войны и в 82 году до н. э. получил от Суллы права римского гражданина. (Таким образом, «учениками» Александра Полигистора Эмилий Сабин и Луций Лукулл стали уже в довольно зрелом возрасте.) Прозвища ученого *Полигистор* («Обильный историями») и *История* указывают как на основной род его занятий, так и на широкую эрудицию. Одним из учеников Александра Полигистора был Гай Юлий Гигин. Не исключено, что Александр Полигистор тождествен некоему перипатетику Александру – учителю и другу Марка Лициния Красса (*Плутарх*. Красс. 3), победителя Спартака. Из трудов Александра Полигистора известно в частности исследование «О Риме» в 5 книгах, где легенда об основании Рима была согласована с александрийской хронологией, составив тем самым основу для хронологии Тита Ливия. Александр Полигистор был также автором целого ряда «краеведческих» историй (в том числе упоминаемой в *Письме XII* «Индии») и ряда «антикварных» исследований – «О Дельфийском оракуле», «Комментарии к Коринне», «Географический комментарий к Алкману», «Об иудеях», «О пифагорейских символах», «Учения философов» и др.

²⁴ Вихрь (*греч.*).

в Капуе), – итак, эта прерывистая странность преследует совершенно конкретную цель – уяснить, к чему все наши занятия историей, а для этого даже азианский стиль порой кажется мне слишком сухим²⁵.

Я смотрю на камни Аппиевой дороги и вижу, как они, столь незыблемые, неподвижные, бесстрастные и упорядоченные вблизи, убегая вдаль, становятся дорогой, становятся пространством, становятся связью, прочерчивая и соединяя то, что есть Рим и Капуя (о, сколь велико различие между ними!), что есть природа и создание рук человеческих, что есть прошлое, настоящее и будущее, что есть творение Рима и, наконец, что есть сам Рим – не город, но сердце, раскинувшее свои артерии по всей Италии, впитывающее кровь от плоти заморских стран и бьющееся в суматохе кривых улочек между семью холмами волнуемыми ударами исполнения гражданского долга и – трижды увы! – ударами гражданских распрей на Форуме, где холодный (но далеко не всегда) расчет сменяется горячим кровопролитием. Аппиева дорога – это каменное полотно, проходящее через историю. Она имеет лишь относительное начало – 442 год от основания Города²⁶ и никогда не будет иметь конца (разве что опять-таки только относительный конец), мы же – увы! – имеем и начало и конец, проходя только некий определенный отрезок истории, а ныне – пребывая в конкретной точке, которая есть 681 год от основания Города²⁷. Аппиева дорога уносит меня в даль, которая наполнена звуками и движениями, и цель моя – все те же изыскания, которыми мы с таким удовольствием занимались когда-то в тиши среди строго пространства и мысленного изобилия библиотек. Этим изысканиям греки дали очень красноречивое определение «история», которое напоминает о ткани, созданной на некоем ἰστός²⁸. Начиная, по крайней мере, с Геродота, если не с Гекатея или даже с Гомера, они производят на этом станке великолепные ткани, искусно соединяя изысканные нити, расцветчивают их всяческими существующими и несуществующими в природе цветами и оттенками на любой вкус, с учетом любой потребности и желания, а затем кроют и перекраивают, создавая какие угодно изделия от изысканнейшего, тончайшего ионийского хитона для хрупкого девичьего тела (нет, я не имею в виду язык Геродота) до грубого мешка из которого жрут сейчас овес серомордые мулы. В этой огромной мастерской от Гадеса до Мегасфеновых Палибофров²⁹ не знаю сколько уже веков ткут, кроют и шьют научные изыскания, обучая между прочим этой кропотливой мудрости старательных и нерадивых учеников, сосредоточенно рассматривающих структуру нити или же небрежно отмеряющих ткани локтями, – таких, какими были когда-то мы с тобой, Луций, в Эмилиевой мастерской³⁰. Возможно, я оказался слишком непоседливым учеником, несмотря на все мое прилежание и якобы достигнутые успехи. Может быть, виной тому и есть это смятение, которое вызывает во мне пересечение Аппиевой дороги

²⁵ *Аттический и азианский стили* – основные направления в греческой, а затем и в римской словесности периода, к которому относятся «Письма» Эмилия Сабина. *Аттический* стиль, образцом которого были афинские (аттические) писатели, отличался ясностью и краткостью. *Азианский* стиль, получивший особое распространение в Азии и бывший противоположностью аттическому, характерен особым богатством и сложностью выразительных средств, своего рода «пышностью». Между этими «крайностями» существовали также промежуточные направления – прежде всего родосская школа красноречия, а в Риме – творчество Цицерона (более тяготевшего к азианизму).

²⁶ *Аппиева дорога*, существовавшая, по крайней мере, с конца VI века до н. э., была реконструирована в 312 году до н. э. (442 г. от основания Рима) как *via publica* цензором Аппием Клавдием Цеком, от которого и получила свое название. Первоначально Аппиева дорога соединяла Рим с Капуей (затем была продолжена до Беневента и Брундизия).

²⁷ 73 год до н. э.

²⁸ Ткацкий станок (*греч.*).

²⁹ *Гадес* (греч. Гадир) – финикийская колония на юге Испании (совр. Кадис), т. е. на крайнем Западе античного мира. *Палибофры* – город в Индии на Ганге, (здесь – символически крайний Восток античного мира). *Мегасфен* (конец III – начало IV века до н. э.) – знаменитый исследователь Индии, проживший некоторое время в качестве посла сирийского царя Селевка I Никатора при дворе индийского царя Сандрокотта (Чандрагупты).

³⁰ Знаменитая библиотека, основу которой составила привезенная в Рим в 168 году до н. э. Эмилием Павлом библиотека побежденного им царя Македонии Персея. *Эмилиева библиотека* была первой по времени крупной библиотекой Рима. Сведений о ее дальнейшей судьбе не сохранилось.

с линией горизонта у мягких Альбанских холмов. Как бы то ни было, у меня возникло непреодолимое желание взглянуть несколько со стороны на ткацкий станок, на котором изготавливается история. О, Луций, как приятно сделать глоток фунданского вина³¹, зная, что в этих краях ласкала некогда Улисса волшебница Цирцея... Неужели мысль изобрести историю возникла бы у Геродота, не будь он охоч до сказок?

Да, я принял твоё предложение писать историю оружия³² и отправился собирать сведения в направлении противоположном путешествию нашего прародителя Энея. Я двигаюсь туда, откуда нас, римлян, когда-то открывал для себя мир греческой учености: по этому пути, по Аппиевой дороге мы вошли в историю.

В начале моего исследования я попытаюсь выяснить то, что присуще, если не исключительно римскому, то, во всяком случае, италийскому духу, – что есть *ars gladiatoria gladiatoriumское искусство*. Поэтому первая цель моего путешествия – Капуя, город лучших гладиаторских школ. Не знаю, насколько верны мои соображения. Не знаю, не наскучил ли я тебе уже сейчас этим письмом, хотя намерен делиться с тобой время от времени не только собранными сведениями и отчётами, но и своими наблюдениями. Не исключено, что мне удастся скроить нечто, достойное лечь в торговой лавке рядом с изделиями афинских, александрийских, пергамских и родосских мастеров³³. Не исключено, что я стану зачинателем новой моды.

Птицы перестали щебетать так исступленно и безукоризненно, потому что солнце сияет уже в полную силу и сияние росы погасло. Как приятно черны здесь сосны, Луций.

Теперь передо мною блещет Каэтанский залив. Я снова близ милой нам Таррацины и снова с любопытством ребенка смотрю на море у южных берегов Лация: оно здесь все такое же – радостное и голубое, каким казалось нам и тогда. Местное вино (сортов здесь много, и все они великолепны, но я имею в виду мое любимое фунданское) столь же терпкое, как и все разновидности цекубского, хотя менее пьянит, но сразу же ударяет в голову, – чувствуется близость Кампании с её смешением народов и подземными огнями. Здесь конец Лация, а вернее – его начало, ибо говорят, что в этом ласковом заливе троянские женщины сожгли некогда корабли Энея. Представь себе, если можешь, Луций, как среди этих чудных лазурных вод пылают костры. Сколько чада и копоти должно было подняться тогда к небу! Такова предыстория Рима: увы, наши предки обосновались в Лации в силу некоего рока или некоей исторической необходимости или, если угодно, высшей справедливости, как сказал бы ты, Луций, а не по воле Энея и даже не по воле направлявшей его Венеры.

Итак, я добрался до начал Лация, до его римских корней. Впрочем, Эней не был римлянином. И не потому, что не успел основать Рим, а по своему духу. Он был слишком женственным героем. Сын богини любви и сам пламенный любовник. Обрати внимание, Луций: его вела по морям Венера, но не Венеру, а смертельно ненавидевшую предков римлян Юнону почитают на Капитолии. Доблесть Энея – в его ласках, и потому он не смог стать первым римлянином.

Собственно Рим начинается с убийства. Его основа – поединок. И поединок этот – братоубийство. Да, своего рода прообраз схватки гладиаторов, в которой – душа Рима, и которая гонит меня из Рима в Кампанию. Ромул и Рем, схватившиеся на мечах – на тех стародавних длинных и неуклюжих мечах, которые вызывают у нас улыбку и ещё что-то вроде умильтельного преклонения перед отчей стариной.

³¹ *Фунданское вино* – одна из разновидностей знаменитого и едва ли не самого благородного из вин античной Италии *цекубского*, получившее свое название от города *Фунды* в Южном Лации. *Цекубская равнина* находилась на берегу Амиклейского залива в области Фунд.

³² Труд Эмилия Сабина, посвященный истории оружия, по-видимому, должен был стать своего рода «дополнением» к занятиям Луция Лукулла теорией военного искусства, блестящим знатоком которой он слыл среди современников. (*Цицерон. Учения академиков*. II. 1, 2). Ср. в этой связи *Письмо IX*: «Помнишь, с какой легкостью и беззаботностью принял твоё предложение, вернее твой вызов, писать исследование по истории оружия?»

³³ Афины, Александрия, Пергам, Родос – основные центры литературной продукции описываемого и более раннего времени.

Да, Луций, от сознания нашей обреченности на кровопролитие, в особенности в самой жестокой форме его – на междоусобное кровопролитие, именуемое в истории гражданскими войнами, – от этой нашей обреченности не уйти, как не уйти от самого себя. Искренне восторженный тон начала этого письма, подобающий скорее какому-то юнцу, а не мне, прошедшему с тобой плечом к плечу через столько битв, начиная с той самой ужасной, на Раудийских полях (возможно, потому, что это была самая первая наша битва, Луций, хотя, впрочем, не только поэтому)³⁴, и прошедшему с тобой через столько не менее опасных для юношеской непосредственности радостей, этот мой искренне юношеский восторг должен был рано или поздно разбиться о неумолимую скалу сдержанности, сколько бы я ни пытался перебраться из настоящего в прошлое по шаткому мостику временных союзов.

И потому не только лазурная гладь Каэтанского залива блещет передо мной, но и неугаемый, столь же вечный, как и сама вечность, огонь Гераклита.

Война. Вот та сила, на которой зиждется история и которая движет историю.

Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς, καὶ τοὺς μὲν θεοὺς ἔδειξε τοὺς δὲ ἄνθρώπους, τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ἐλευθέρους³⁵ Вот та разрывающая разум горечью и неприемлемая сердцем нашим справедливость, которая управляет историей.

Помнишь, как мы радовались искрящемуся остроумию «Похвалы трутням и едкости» Алкидаманта, утверждавшего, что ἐλευθέρους ἀφῆκε πάντας θεός, οὐδένα δοῦλον ἢ φύσις πελοίηκεν³⁶ С каким пылом старались мы доказать абсурдность рабства и неизбежность его уничтожения!

Юношеские клятвы в вечной любви, над которыми смеется Юпитер... Ибо в мире всегда была, есть и будет Война, а потому всегда были, есть и будут рабы и свободные.

Впрочем, мое предполагаемое исследование об *ars gladiatoria* будет в лучшем случае всего-навсего некоей *nuga* – изящной безделушкой в духе александрийских книгоедов, неким вычурным светильником в уютной опочивальне: свет его будет ровен и мягок в сравнении с грохочущим вулканом безжалостных слов Гераклита.

День подошел к концу. На небосводе над мысом Цирцеи виснет Веспер³⁷.

Дочь хозяина постоялого двора налила мне тоже совсем молодого, как и она сама, и еще мутного, не успевшего настояться, как следует, фунданского, а ее уже мутные глаза налились до краев жадой. Эти глаза вызывают в памяти греческий эпитет βωβίλις *волоокая*. Ее тело – особенно подмышки – источает очень резкий запах растертого в ладонях лаврового листа. Фунданское резко ударит мне в голову, но постельной схватки скорее всего не будет: уже совсем рядом Кампания с ее знаменитыми розами и благовонными притираниями.

Минувший день оставил мне два приобретения. Во-первых, это очень интересная рукоять старинного меча, украшенная львиной головой. Она досталась мне почти даром: хозяин постоялого двора пользовался ею вместо молотка, заколачивая гвозди. (Хвала богам, львиная пасть от этого совсем не пострадала!). Во-вторых, я набросал нечто, вроде Вступления к моему

³⁴ Битва на Раудийских полях (более известная, благодаря Плутарху, как *битва при Верцеллах*), предотвратившая исключительное опасное вторжение в Италию германского племени кимбров, произошла 30 июля 101 года до н. э. Год рождения Луция Лукулла неизвестен: принимая во внимание время его консульства, можно утверждать, что он родился не позднее 117 года до н. э. и в 101 году до н. э. уже мог служить в армии, особенно в виду чрезвычайного положения, вызванного опасностью кимврского вторжения. (В Риме республиканского периода призывной возраст составлял от 17 до 46 лет). Однако не исключено, что к тому времени Лукулл был несколько старше (до 20 лет). О *битве на Раудийских полях* см. *Письмо VII*.

³⁵ Война – отец всего и царь всего. Одних она явила богами, других – людьми, одних сделала рабами, других – свободными. (Гераклит, фрагмент 53.)

³⁶ «Свободными оставил всех бог, никого не сотворила рабом природа». *Алкидамант* – оратор второй половины V века до н. э. Упомянутое изречение Алкидаманта из его «Мессенской речи» цитируется в «Риторике» Аристотеля (I, 13).

³⁷ *Веспер* (у греков *Геспер*) – звезда Венеры, восход которой знаменовал приближение ночи.

будущему «Об оружии» или «О гладиаторском искусстве» (пока что не знаю, что получится). Посылаю тебе этот набросок.

Народ римский, благодаря как своей особой доблести, так и особому благоволению богов, сумел добиться того, что не только выстоял в суровых испытаниях, выпавших ему на долю в ранние годы его истории, но и создал державу, по праву доблести ставшую достойной приемницей древних мировых держав и впервые сплотившую под защитой законов большинство народов круга земного – как древних, так и молодых. Восхищения достойны дела, совершенные народом римским и в дни созидания его государства, и в дни тяжчайших испытаний в борьбе за право быть могущественной державой, и в наши дни, когда Рим твердой дланью своей укрощает и дикие племена, и возгордившихся чрезмерно царей, неся народам всего мира безопасность, правосудие и возможность беспрепятственно наслаждаться благами мирной жизни.

Столь удивительная судьба Рима, несхожая с судьбами прочих народов, и ближних, и дальних, побудила меня попытаться осмыслить дух его, столь же отличный от духа других народов – ближних и дальних, древних и молодых, наслаждающихся всеми преимуществами благоустроенной жизни и совершенно диких. Однако предметом размышлений и изысканий моих будут не великие события (как общеизвестные, так и малоизвестные), явившиеся испытаниями для римского народа и предоставившие ему возможность проявить силу духа своего, и не особое стремление римского народа к правосудию, благодаря которому он по воле богов стал во главе всех народов круга земного. Целью своей я ставлю исследование только одного из проявлений римского духа и римских нравов, столь отличающих нас от прочих народов. Предмет моего исследования может показаться с одной стороны слишком легкомысленным, а с другой – нарочито суровым и удручающим: я буду писать о том особом развлечении, которому всей душой и как никакому другому развлечению любят предаваться римляне, являя тем самым якобы особую присущую им кровожадность и особую воинственность духа, а вместе с ними и особую стойкость духа: я буду писать о гладиаторском искусстве.

Ну, как, Луций? Хорошо?

Попробую все-таки завершить первую фразу этого письма. Выбрав для моего труда не настоявшийся на времени, еще довольно мутноватый, но многообещающий – как вино этого вечера и желания подававшей его девушки – наш язык, я пытаюсь перебросить в прошлое прочный и цепкий мостик латинского *сит*, отказавшись от почти сказочной призрачности греческого ὄτε. Как прекрасный знаток греческой словесности ты, конечно же, возразишь мне, что кроме призрачного ὄτε, с которого, словно сказки, начинаются исторические писания, в греческом есть также перевалочное, соотносимо-пояснительное ὁλόταν, и абстрактно-рассудочное ὄς, и четкое ἐλεῖ. (Умолчу уже о той метаморфозе «устойчивой середины»³⁸ между совершенно восхитительным греческим волшебством и совершенно жалким греческим проходимством, о метаморфозе, которую временные союзы претерпевают в результате слияния с самой греческой из греческих частиц ἄν³⁹, столь часто употребляемой греческими писателями и крайне редко греками, известными нам в повседневной жизни, – ὄταν, ὁλόταν, ἐλάν, ἐλεῖδάν: сколько здесь и трезвого уточнения, и вызывающей порой улыбку мелочной увертливости!). А еще ты, пожалуй, возразишь мне, Луций, что и наши римские анналисты, писавшие по-гречески, чужды в своих творениях шаткости и призрачности греческого ὄте. Ты, конечно, будешь прав. Поэтому я и буду писать не по-гречески, а на нашем языке: может быть, его кажущаяся скудность защитит меня от моего же многословия. А еще я постараюсь отвлечься

³⁸ «Устойчивая середина», досл.: «неблуждающая середина» *mediocritas inerrans*, греч. ἀπλανής μεσοτήτης. У Цицерона *inerrans* относится к неподвижным звездам (греч. ἀπλανής), а μεσοτήτης – старинный. жизненный идеал греческих авторов (еще архаической и классической эпох). Ср. в этой связи *mediocritas* в Письме IX и «устойчивая середина» в Письме X.

³⁹ Условная частица, обычно соответствующая русскому «если».

от изложения фактов и уловить то пока что необъяснимое *нечто*, что составляет очарование истории, – не впечатляющее величие событий, но некую пребывающую за ними истину. Может быть, это будет только след, оставленный истиной, ее отблеск, ее отражение? Попытаюсь *уловить* мыслью и, естественно, словом ее красоту только для того, чтобы отказаться от этой красоты. Попытаюсь приблизиться к истине. Попытаюсь. А потому я отказываюсь от привычного богатства греческого языка и обращаюсь к непривычности еще не настоявшегося нашего языка.

Уверен, что положение дел в Вифинии для твоей армии складывается удачно⁴⁰. Впрочем, поостерегусь гневить богов своей поспешностью, а потому с нетерпением жду твоего письма.

⁴⁰ Речь идет о первом этапе событий т. н. Третьей Митридатовой войны. Начало войны приходится на весну 73 года до н. э. Встречающая иногда датировка начала этой войны второй половиной 74 года до н. э. противоречит тому обстоятельству, что в ноябре 74 года Луций Лукулл находился в Риме в связи с нашумевшим делом Гая Юния (см. *Цицерон*. В защиту Клуенция).

Письмо III (Кампанские розы)

Lucius Lucio salutem

В эту пору, когда яростная скачка Гелиосовых коней переходит уже в размеренный бег, а краски плодов в садах становятся насыщенными до предела, Капуя захватывает отовсюду, словно море, неодолимостью двух своих ароматов одновременно – винного брожения и будоражащих благовоний розового масла.

Вся Кампания вдоль Аппиевой дороги утопает в виноградниках: до реки Вултурна это – Фалернская равнина, разлившая свою приятную терпкость по всем берегам Внутреннего моря⁴¹. Странно только, что вино, которое делают в окрестностях самой Капуи, значительно уступает по вкусу собственно фалернскому⁴². И вино с находящихся неподалеку Флегрейских полей, несмотря на исключительное плодородие пепла гигантомахии⁴³, тоже уступает фалернскому. Впрочем, я предпочитаю фунданское.

Воздух здесь такой изощренный, что кажется, будто все кампанские вина, и молодые и старые, отдают густым настоем розового масла. Большинство его видов изготавливают из роз так называемого «второго цветения»: именно сейчас их пора⁴⁴. Представляю, какое восхитительное, воистину благоухающее зрелище представляет собой Кампания весной и в начале лета – в пору «первого цветения». Тогда все здесь покрыто розами, большинство которых не превращают в масло, но наслаждаются их видом, запахом, осязанием сочных и упругих лепестков, прикрытых тончайшими мягкими ворсинками. Тогда это должно быть не облагороженное временем благоухание парфюмерных изощрений, но благоухание естественной свежести. А сейчас, в дни Великих игр⁴⁵ уже бьют бурлящим ключом ароматы розового масла, которое готовят на Сепласии⁴⁶.

Я попробовал знаменитого здешнего кавлинского вина, которым восхищается Полибий, упоминая его со странным названием ἀναδενδρίτης⁴⁷. Вкусов Полибия я не разделяю (во всяком случае, в отношении вин): ощущение такое, что не только в калатийское, но и в каленское, в статанское, в суррентское (весьма неплохое) и даже в фалернское влиты женские духи (по флакону на амфору). Вина эти будоражат, вскидывают, но их благоухание утомляет сразу же. Предпочитаю глубокую мягкость фунданского.

⁴¹ *Внутреннее море* (в описываемую эпоху *Mare internum* или *Mare nostrum* («Наше море»), несколько позднее – *Mare internum*) – Средиземное море.

⁴² *Фалернское* – знаменитый сорт вина, получивший название от горы Фалерн и Фалернской равнины в северной части Кампании. Плиний упоминает три основных вида фалернского – *austerum*, *dulce* и *tenue* (терпкое, сладкое и легкое). Здесь речь идет о *терпком* виде фалернского (*austerum* или *severum*).

⁴³ *Флегрейские поля* – знаменитая своим плодородием равнина близ Неаполя и Нолы, где, согласно распространенному преданию, происходила битва богов и гигантов.

⁴⁴ Ср. *Флор.* I, 16, 3: «Кампания – область прекраснейшая не только в Италии, но и во всем мире... Здесь дважды в год расцветают цветы».

⁴⁵ *Великие* или (как они названы ниже) *Римские игры* (*Ludi Romani Magni* или *Maximi*) устраивались в честь Юпитера Всеблагое Величайшего первоначально и главным образом на Капитолийском холме. В последние два века Республики игры продолжались 10 дней, начиная с 4 сентября. В первые 3 дня устраивали театральные представления (*ludi scenici*), в последний – бои гладиаторов (*ludi circenses*).

⁴⁶ Знаменитая площадь в Капуе, бывшая крупнейшим рынком (и местом производства) благовоний. Отсюда название парфюмеров *seplasarii*.

⁴⁷ Ср. *Афиней.* I, 31 d: «Полибий сообщает, что в Капуе производят отменное вино ἀναδενδρίτης, с которым не сравнится никакое другое». О *кавлинском вине* (*caulinus*) сообщает Плиний («Естественная история», XIV, 69), причем неизвестно идет ли речь об одном и том же сорте вина. «Странное название» ἀναδενδρίτης может указывать на приготовление этого вина из винограда, выходящего по дереву.

В Капуе я постоянно испытываю ощущение бродящего вина, раздражающего здесь все тем же парфюмерным благоуханием, и ощущение розового масла, ласкающего кожу и легко проникающего внутрь своими ароматами – приятными и отталкивающими одновременно, как ласки без чувства. Даже здешние так правильно размеренные старинные стены – считается, что они на пятьдесят лет старше римской неупорядоченности⁴⁸, – словно пропитались резким запахом бродящего сусла. Может быть, виной вездесущему здесь легкому опьянению и очарованию, столь желанному, но все еще недостающему нам, особенно сразу по приезде из Рима, восторженно-завистливая молва о пресловутой *Капуанской изнеженности otium Capuanum*.

В воздухе здесь разлиты тонкие ароматы розового масла, а в сумерках между строгими, красивыми линиями капуанских улиц возникают (зачастую не существующие в действительности) образы изящных женщин, увлекающих в свои ласки, – таких изысканно-женственных по сравнению с блудницами Рима. И еще здесь являются также образы гладиаторов – таких безукоризненно-искусных и изысканно-мужественных по сравнению с грубыми рубаками в Риме. Все в Капуе выглядит более изощренным. Здешние гладиаторы кажутся лучше, даже если гладиаторы в Риме прошли обучение у ланист и рудиариев из Капуи⁴⁹. И здешние женщины, должно быть, дают наслаждения более утонченные.

Все это в какой-то степени объясняет знаменитую *капуанскую заносчивость*⁵⁰, которая бывает резка, как здешние ароматизированные вина. Впрочем, я предпочитаю фунданское и глубокую мягкость сурового Лация⁵¹.

Как ни странно, благодаря все той же восторженно-завистливой молве, даже ателлана⁵² кажется здесь изысканной. Местные уроженцы, непонятно почему, кичатся особой чистотой своего оскского языка, который я все равно воспринимаю только как грубое наречие нашего, латинского, и понимаю хуже греческих диалектов (на этих последних можно, по крайней мере, читать хорошую поэзию⁵³). Однако в целом здешняя ателлана не так уж отличается от той, которую можно видеть в Риме. Третьего дня в качестве *exodium*⁵⁴ играли «Тяжбу жизни со смертью»⁵⁵ – произведение совершенно никудышнее даже после трагедий Акция, которые

⁴⁸ Капуя считалась на 50 лет старше Рима (*Катон = Веллей Патеркул. I, 7*). Основание ее обычно приписывали этрускам (см. *Катон = Веллей Патеркул. I, 7; Полибий. II, 17; Тит Ливий. IV, 37, 1; Страбон. V, 4, 3*: «Тиррены основали там двенадцать городов, и один из них, как бы главу их, назвали Капуей»).

⁴⁹ *Ланиста* (*lanista*, о происхождении слова см. ниже прим. 38) – содержатель (как указывают соответствующие греческие термины *μονομαχοτρόφος* «содержатель гладиаторов», *λουδοτρόφος* «содержатель гладиаторской школы», *ἐπιτοῦτης* (или *ἐλιτρόλος*) *μονομάχων* «надзиратель, наставник гладиаторов»), а зачастую и владелец «гладиаторской школы» (*ludus*). Кроме собственных гладиаторов, ланиста принимал в свою «школу» для обучения также «чужих» гладиаторов. Под *рудиарием* (*rudarius*) обычно понимают заслуженного, освобожденного от обязанности сражаться перед публикой гладиатора, ставшего наставником обычных гладиаторов, «учителем фехтования». Слово происходит от *rudis* – деревянного меча для упражнения в фехтовании (в армии и в гладиаторских школах), который являлся своего рода символом наставнической власти (в более позднее время известны термины – *summa rudis* «меч высшего разряда», *secunda rudis* «меч второго разряда»). С другой стороны, *rudis* был атрибутом не только рудиария, но и ланисты. Таким образом, функции ланисты и рудиария как наставников гладиаторов не всегда достаточно различимы.

⁵⁰ Высокомерие (*superbia*) и заносчивость (*arrogantia*), наряду с легкомыслием, ленью, изнеженностью и приверженностью к роскоши, являются основными характеристиками кампанцев у римских авторов.

⁵¹ «Суровым» (*ferox*) Лаций обычно называли в эпоху Империи главным образом по причине военной мощи Рима, но не только. Ср. в этой связи «гиблая и бесплодная» о земле Лация в сравнении с землей Кампании (*Тит Ливий. VII, 38, 7*).

⁵² *Ателлана* – народная импровизированная комедия фарса, получившая свое название от города Ателла (между Капуей и Неаполем). В силу традиции ателлана исполнялась на оскском языке (см. *Страбон. V, 3, 6*), по причине чего ее представления известны как *ludi Osci, ludi Atellani, fabulae Atellanae*.

⁵³ Например, в силу традиции хоровые партии греческой трагедии написаны на дорийском диалекте. На том же дорийском диалекте написаны произведения Пиндара и буколическая поэзия, на эолийском – значительная часть лирической поэзии. Полидиалектным был язык греческого эпоса (в особенности гомеровского).

⁵⁴ *Exodium* (досл. «исход») в римском театре играли после постановки трагедийной трилогии (своего рода аналог греческой сатирической драмы).

⁵⁵ «*Mortis et vitae iudicium*» – по всей вероятности, произведение Новия. В более ранней римской литературе под таким названием известна сатира Эния. По-видимому, речь идет о популярном в эллинистической и римской литературе диалоге персонификаций, восходящем к образцам Классической Греции (напр., *Правда и Кривда* в «Тучах» Аристофана).

этот *exodium* так сказать «венчал». Капуанцы просто упиваются звуками оскского языка, который они уже и сами не особенно хорошо понимают. Во всяком случае, мне почти благоговейно сообщили, что Паппа⁵⁶ они называют Каснаром⁵⁷, и ужасно гордятся этим. Тем не менее, даже ателлана здесь изысканна.

Несмотря на очевидную глупость кампанского высокомерия, Капуя – город воистину величественный. Улицы Капуи прочерчены, как плавный, внимательный полет сокола в небе и его смертоносное падение на землю. И наши, и греки зачастую выводят название города от наших слов *caput* или *caprus*⁵⁸но, в действительности, оно происходит от этрусского *сарус*, что и значит *сокол*, поскольку Капую основали этруски. Говорят также, что именно поэтому Капуя называлась когда-то в переводе на наш язык Вултурном⁵⁹, как и ближняя река. (Ныне Вултурном называется небольшой поселок неподалеку от впадения этой реки в Нижнее море⁶⁰.) Впрочем, наше слово *сарус* по смыслу очень подходит этому городу, расположенному в самом центре Италии⁶¹ и достойному быть его главой⁶². Примечательно также, что этрусское *сарус* напоминает о птицегадании, без которого вряд ли когда обходилось основание города. Наше предание об основании Рима запутано: чтобы распутать его, обычно говорят, что первым увидел соколов Рем, но Ромулу явилось большее число птиц⁶³. Потому-то и облик и вся история Рима запутаны, полны несуразностей, противоречий и распрей, а в Капуе все предельно ясно и четко, как полет сокола и его безошибочно рассчитанное падение.

Капуанские улицы до сих пор вытянуты совершенно строго, как ряды копий, изготовившихся к бою. Арена⁶⁴ и театр словно уравнивают город и своими строениями и своими страстями⁶⁵. Капую считают родиной гладиаторских боев, но не следует забывать, что именно в этих краях родилась ателлана: эти два зрелища – словно крылья сокола, уравнивающие и направляющие его полет.

И те же соколиные крылья замерли на шлемах гладиаторов древнейшего вида, ведущего свое происхождение от *бустуариев*⁶⁶: здесь до сих пор можно видеть старинный поединок Меркуриев, который завершается тем, что труп побежденного уволакивает, предварительно разбив ему череп молотом, отвратный до содрогания этрусский Харон⁶⁷.

Третьего дня я смотрел «Подложного Юпитера» – еще более грубую и смехотворную потеху над Иксионом, чем «Амфитрион» Плавта⁶⁸. Как и у Плавта, два Меркурия очень

⁵⁶ *Pappus (Pappus)* – одна из четырех основных масок ателланы, тип «глупого старика».

⁵⁷ Ср. *Варрон*. О латинском языке. VII, 29.

⁵⁸ Соответственно «голова» и «равнина». Ср. *Страбон*. V, 4, 3 со ссылкой на Полибия.

⁵⁹ *Vultur (лат.)* – сокол.

⁶⁰ *Нижнее море* – Тирренское море (в противоположность *Верхнему морю* – Адриатическому).

⁶¹ В античности в понятие «Италия» не входила нынешняя Северная Италия, т. е. античная Цизальпийская Галлия.

⁶² Ср., напр., высказывание современника описываемых событий Цицерона: «Капуя, ... которая в наши времена – второй Рим (*altera Roma*)» («Филиппики», XII, 3,7) и традиционный взгляд на Капую: «город величайший и роскошнейший» (*urbis maxima opulentissimaque*: *Тит Ливий*. VII, 31, 6).

⁶³ *Тит Ливий*. I, 7: «Рему, как передают, первому явилось знаменье – шесть соколов, – и о знаменнии уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем: одни придавали больше значение первенству, другие – числу птиц».

⁶⁴ *Arena*, т. е. знаменитый Капуанский амфитеатр, самый известный на территории Италии после Колизея после реконструкции конца I – начала II века н. э. В описываемые времена на его месте находился амфитеатр, построенный в эпоху Гракхов или чуть позднее.

⁶⁵ Арена находилась у восточной окраины Капуи, театр – у западной.

⁶⁶ *Бустуари* (*bustuarii* от *bustum* «место сожжения; место погребения») – гладиаторы, сражавшиеся на похоронах, древнейший вид гладиаторов. В Риме впервые – в 264 году до н. э. на *Forum Boarium* («Бычьем рынке») на похоронах Луция Брута Перы.

⁶⁷ Точнее *Харун* – этрусский демон смерти, имя (и частично функции) которого схоже с греческим Хароном.

⁶⁸ «*Iuppiter suppositus*» (ср. ателлану Помпония «*Agamemno suppositus*» «Подложный Агамемнон»). Иксион пожелал овладеть Юноной, и, желая покарать его, Юпитер устроил так, что Иксион сочетался с Тучей (Нефелой), принявшей облик Юноны. В комедии Плавта «Амфитрион» Юпитер (в соответствии с традиционным греческим мифом) принимает облик Амфитриона.

забавно пререкались друг с другом, а затем подрались. Не знаю, было ли это сделано умышленно или же здесь имело место совпадение, но драка потешных Меркуриев очень напоминала смертельный поединок бустуариев. Зрители заметили это и смеялись, тогда как кровавый поединок Меркуриев-гладиаторов *всерьез* вызывает чисто кровожадный восторг без смеха.

Восторг, испытываемый от поединка, когда мы не ставим ни во что жизнь побежденного, находится, таким образом, где-то посередине между ужасом, содроганием смерти и самозабвенным смехом – потехой над страданием. Обычно мы над этим не задумываемся. Равно как не задумываемся, почему грозного проводника душ Меркурия, который единственный из всех богов, обладателей сиятельного неба и бессмертия, не страшится мира вечного мрака и смерти, мы представляем себе обычно как изящного, даже привлекательного своим лукавством пройдоху. Вот кто воистину способен помнить о смерти среди веселого пира. Лукавствующий ради корысти, играющий ради спасения, играющий ради смерти, играющий ради игры как таковой, единственный из богов, пребывающий поочередно в мире бессмертных, в мире смертных и в мире смерти, шутник и обманщик, очаровательный, желанный и неутомимый любовник, единственный, кто прикасается к грозным тайнам мироздания, изощренный убийца, владеющий вычурным щитом-зеркалом и мечом-серпом, наподобие фракийского, но совершенно сказочным. Гладиаторский бог.

Наблюдая игру здешних актеров (в особенности Меркуриев в «Подложном Юпитере») и бои кампанских бустуариев, я пришел вдруг к выводу, что гладиаторский шлем – в сущности, та же театральная маска, а гладиаторские бои (особенно древние) – те же театральные представления. Древние гладиаторы скрывали за маской свое лицо, и в то же время шлем как подлинная *persona*⁶⁹ придавал гладиаторам какие-то особые, застывшие раз и навсегда черты, которые словно оживают и обретают некий личностный характер благодаря движениям гладиатора. Или движениям и голосу актера: разве не то же наблюдаем мы в ателлане? Таким образом, и гладиаторы – все те же *personate*⁷⁰.

Я пытался установить, что такое странный головной убор (то ли шлем, то ли шляпа) Меркурия *galea Mercuri*, но установил только, что у греков по этому вопросу царит полнейшая путаница: его называют то *λέτασος*, то *λίλος*, то опять-таки странным словом *κυνέη*⁷¹. Потом в голову мне пришла вот такая мысль: путаница вызвана тем обстоятельством, что загадочный шлем (или шляпа?) делал Меркурия невидимым, а потому и неизвестным: отсюда всевозможные видоизменения «шлема» Меркурия на изображениях греческих художников и в описаниях греческих авторов. Я прекратил заниматься вопросом о «шлеме» Меркурия, но занятия эти, несомненно, пошли мне на пользу, обогатив мои познания. Кажется, я даже сделал ценное наблюдение: главная особенность *galea Mercuri* или *κυνέη* Аида, делавшая обладателя его невидимым, состоит в сокрытии лица. Тот, кто надевал *galea Mercuri*, утрачивал собственное лицо и становился *persona* в изначальном смысле этого слова. Не обращал ли ты, Луций, внимания на то обстоятельство, что у нас, римлян, в отличие и от греков, и от варваров, шлемы обычно не закрывали лицо? Конечно же, и у греков, и у варваров тоже были шлемы, оставлявшие лицо открытым, но *в целом* никакой другой народ никогда не смотрел *в лицо смерти* так прямо, так открыто, как мы. Не потому ли мы закрывали лицо гладиаторам шлемами-масками

Меркурий – слуги Амфитриона Сосии. Таким образом, оба сюжета представляют собой «комедию ошибок».

⁶⁹ Здесь: «театральная маска, персонаж». Ср. чуть ниже: «*persona* в изначальном смысле этого слова».

⁷⁰ *Personati* – «люди в масках, ряженые», т. е. театральные актеры.

⁷¹ Обычно считается, что *λέτασος* означает шляпу с широкими полями, *λίλος* – закругленную шапку (и другие виды одежды), а также шлем, *κυνέη* (*κυνῆ*) – шлем. Однако в античных текстах (в том числе и у толкователей) неоднократно прослеживается смешение этих трех слов (напр., Схолии к Аристофану. Птицы. 1203: «Говорят, что *κυνῆ* называют *λέτασος* на Пелопоннесе: Гермес носит на голове *λέτασος*, который здесь назван *κυνῆ*, и пелопоннесцы говорят *κυνῆ* вместо *λέτασος*»). «Странность» слова *κυνέη* (*κυνῆ*) состоит в созвучии (?) с *κυνέος* «собачий».

наподобие театральных, чтобы дать им некую застывшую *личину persona*, лишив их тем самым собственного живого *лица*?

Может быть, когда мы прячем свое лицо, нам кажется, что противнику труднее поразить нас. Не потому, что защищено наше лицо, а потому, что защищены переживания, мысли и чувства, отобразенные у нас на лице.

Вечером третьего дня Римских игр, после посещения театра я ужинал у Марка Бадиа, влиятельного капуанца из старинного рода. Яства были великолепны, и вся обстановка была великолепна: *otium Capuanum* не только сломил дух ганнибаловых воинов, но и оказался значительно устойчивее и долговечнее нашей старинной суровой доблести. Он продолжает господствовать, причем еще более властно, несмотря на все невзгоды, выпавшие на долю Капуи, и на жестокую кару с нашей стороны⁷². Думаю, что это хорошо. За минувшие почти полутора столетия этот знаменитый *otium* стал значительно богаче, утонченнее, настоялся, словно отменное старое вино.

Бадий – воплощение не менее знаменитого кампанского высокомерия и заносчивости, словно унаследованных им от предка времен Ганнибаловой войны, которым он так гордится⁷³. Он оказался той чрезмерной долей розового аромата, которая портит местные вина. Фалернское, естественно, не в счет: Фалернская равнина – по нашу сторону Вултурна, она примыкает к Лацию и наша по крови⁷⁴. А по эту, собственно кампанскую сторону Вултурна единственное удачное исключение – суррентское, но у суррентского другой существенный недостаток: его невозможно настоять, и оно очень скоро превращается в уксус⁷⁵.

На ужине присутствовала некая молодая женщина, которая слегка опьянила меня, как хорошее суррентское, словно нейтрализовав едкую заносчивость Бадиа. Она была похожа на восхитительную своей светящейся естественностью белую розу с легким золотистым окаймлением лепестков. В памяти моей ее образ запечатлелся с именем Исмены, поскольку перед ужином мы были в театре и смотрели трагедии Акция⁷⁶, в том числе «Антигону» – подражание софокловской. Представь себе, Луций, мне показалось, что в чем-то, весьма для меня существенном, Акций превзошел Софокла. Я имею в виду, конечно же, Исмену – нежный женский образ, изобретенный Софоклом⁷⁷ только ради того, чтобы еще более подчеркнуть силу и непоколебимость Антигоны. Может быть, Акций придал этому образу слишком много женского аромата, и поэтому его Антигона получилась несколько неказистой, соотношение образов – совсем другим, вся софокловская гармония оказалась нарушена, возводимое заново здание рухнуло, и трагедия в целом не удалась: Акций испортил ее, как обычно портят, ароматизируя, кампанские вина. Зато образ Исмены обрел исключительное очарование. Так на расписанной в целом неудачно вазе порой можно видеть фигуру исключительно выразительную. Впрочем, Акций вряд ли мог предполагать, что достигнет такого результата. А, может быть, виной тому была исключительно удачная игра девушки, изображавшей Исмену? Или обворожительная женщина на ужине у Бадиа? Скорее всего.

Что есть долг, о котором взывает и ради которого так красиво умирает Антигона? Заново разжечь угасшее пламя, которое, может быть, действительно, погасили в поругание справедливости? Но даст ли это новое, якобы возрожденное пламя теплоту и свет, или же оно будет

⁷² После взятия римлянами Капуи по время Второй Пунической войны в 211 г. до н. э. См. *Тит Ливий*, XXXVI, 15–16.

⁷³ По всей вероятности, речь идет о Бадии, о котором сообщают *Тит Ливий* (XXV, 18) и *Валерий Максим* (V, 1, 3).

⁷⁴ Ср. *Тит Ливий*. VIII, 11, 13 (о событиях 340 г. до н. э.): «У Лация и Кампании в наказание отняли часть земель. Земли ... Фалерна, принадлежавшие ранее кампанцам, вплоть до реки Вултурна распределили между римскими плебеями».

⁷⁵ Впоследствии суррентское вино научились настаивать. См. *Страбон*. V, 4,3.

⁷⁶ *Луций Акций* (втор. пол. II – начало I века до н. э.) – выдающийся римский драматический поэт и грамматик.

⁷⁷ В местных фиванских легендах под именем *Исмена* (производное от мужского *Исмен* – название реки, холма и селения) известна девушка (нимфа?), встречавшаяся с неким Периклименом (Феоклименом) и убитая Тидеем у источника по указанию Афины.

только сжигать? Сжигать то, что существует сейчас и, может быть, прекрасно, несмотря на поруганную справедливость. А, может быть, есть какая-то мера справедливости, которая соответствует добру, тогда как превышение этой меры порождает зло? Опять все тот же поиск разумного соотношения, словно между крепостью вина и его ароматом. Вся разница в том, что соотношение наших чувств и нравственных устоев невозможно выразить конкретным числом в отличие от числа емкостей вина и благовоний.

Посмотрев трагедию Акция, напомнившую о трагедии Софокла, видя перед собой кампанскую заносчивость Бадия, явно попрекающую нас, римлян, за трехкратное взятие Капуи⁷⁸, слушая якобы справедливые проклятия здешнего *ланисты* Аврелия Скавра⁷⁹, возмущенного тем, что его обошел другой *мясник*⁸⁰, я испытывал явное пресыщение непоколебимой справедливостью и понимал ее конечную неправоту.

И только похожая на белую розу женщина, которая в силу всего этого осталась в памяти моей с именем Исмены, была близка мне в тот вечер. А потому она и обладала для меня особой красотой, будучи причастна прекрасному: прекрасное ведь не нуждается ни в мести, ни в непоколебимости, ни в числовом выражении. Прекрасное выше справедливости, потому что справедливость – только часть прекрасного.

В ней было очень много *жизни*, спокойствия, умиротворенности. Она напоминала мать, успокаивающую ласковым голосом и снисходительной улыбкой обиженных, раздосадованных или повздоривших из-за какого-то пустяка детей, хотя и была моложе всех собравшихся. Несомненно, ей введома какая-то тайна, познать которую мы пытаемся столь же *тщетно*, сколь *тщетно* пытаемся описать солнечный луч или изгиб морской волны. Мы пытаемся сделать это изо всех сил, словно поверив – о, мы, неразумные! – что только через собственные слова и сумеем познать солнечный луч или изгиб морской волны. А ей все это уже известно: она прекрасно чувствует и солнечный луч и изгиб морской волны, нисколько не нуждаясь в словах для их описания и осмысления.

Но, с другой стороны, разве обладала бы Исмена для меня (и для таких, как мы с тобой, Луций) этим очарованием, если бы мы не занимались нашими *тщетными* поисками? Разве не в том и состоит смысл игры, чтобы достичь поставленной цели, состязаясь со случайностью, победить случайность и сделать ее своей союзницей? Чтобы увеличить силу случайности в гладиаторском искусстве, бойцам дают сражаться разным оружием: таким образом исход поединка зависит не исключительно от силы, ловкости и опытности противников, что имеет место, когда противники сражаются одинаковым оружием. Помнишь того совсем неопытного фракийца, которым пытался угостить нас здесь, в Капуе Лентул Батиат?⁸¹

Игра *увлекает*. Но разве смысл красоты не в *увлечении* (в том, что она *влечет*, сообщая движение), не в том, чтобы стремиться к чему-то, зная (зачастую не признаваясь в том даже

⁷⁸ Имеются в виду 1) наказание Капуи за участие в войне против Рима на стороне латинов в 340 году до н. э. (Тит Ливий. VIII, 11, 12 – см. прим. 3 к стр. 24); 2) захват Капуи в 211 году до н. э. после ее перехода на сторону Ганнибала; и, возможно, 3) победа Суллы над сторонником Марии консулом Гаем Норбаном близ Капуи (у святилища Дианы Тифатской) за десять лет до описываемых событий – в 83 году до н. э.

⁷⁹ Известен *Гай Аврелий Скавр*, владелец гладиаторской школы, из которой Публий Рутилий Руф взял для солдат учителя фехтования в 105 году до н. э., т. е. более, чем за 30 лет до описываемых событий (Валерий Максим. II, 3, 2: местонахождение гладиаторской школы Гая Аврелия Скавра не названо). Здесь речь может идти скорее всего о сыне (?) этого Аврелия Скавра, унаследовавшем его гладиаторскую школу.

⁸⁰ Игра слов в латинском языке: *lanius* «мясник» и *lanista*. Возможно, что слово *lanista* происходит от *lanius* (известна также попытка объяснить слово *lanista* из этрусского языка: Исидор Севильский. X, 159). Отношение к профессии ланисты у римлян было весьма презрительным: в более позднее время *Юлиев закон о муниципиях* (Lex Julia municipalis) и *Ювенал* (III, 155-158; VI, 216-218) ставят ланисту наравне с содержателями публичных домов и актерами.

⁸¹ По всей вероятности, речь идет не об обычном выступлении гладиаторов ритуального характера (*munera*) или во время публичных зрелищ (*ludi*), а о развлекательном зрелище частного характера, характеризующем *otium carianum*. Ср. *Страбон*. V, 4, 13: «Действительно, они дошли до такого сумасбродства в роскоши, что даже приглашали на обеды пары гладиаторов, определяя число их по достоинству гостей».

себе самому), что желаемого никогда не достигнешь только благодаря своему умению, но необходимо также благоволение судьбы, которое называется счастливым случаем, сколь бы умелым ты ни был, сколь бы ни превосходил своего противника? Не потому ли мы боимся смерти, что постоянно ждем от жизни *чего-то еще*, чего-то *нового*, и в то же время *почти* уверены, что желанное *что-то еще*, что-то *новое* будет повторением старого, повторением вечного? Это как струя воды, бьющая из фонтана: она постоянно новая, пребывая почти в прежних своих очертаниях. Нам нравятся ее перекаты. Нравятся даже больше, чем постоянно якобы все то же, но в действительности иное течение реки Гераклита. (Признаюсь, я очень удивился, когда женщина, похожая на белоснежную розу, упомянула, что ей знакомы *темные речения* Гераклита и что они ей очень нравятся.) Струя фонтана в движении своем нравится нам больше, чем необозримая река, потому что струю мы видим всю, ощущаем ее пределы, ее непрерывную повторяемость. Ощущая струю фонтана, мы ласкаем наше зрение, наш слух, наше осязание. Мы ласкаем свои ощущения. И я тоже, подобно непрерывно повторяющейся струе фонтана, ласкаю теперь круговращением моей мысли прежде всего самого себя, а может быть, и тебя тоже, Луций.

Не знаю, удалось ли мне достаточно ясно выразить мою мысль, употребив столько слов, столько образов. Думаю, что женщина, которую я назвал Исменой, смогла бы выразить все это гораздо проще, а, возможно, и яснее, чем я, потому что знание ее доходит до определенной точки, до некоего края чаши фонтана и, не переливаясь через край, возвращается обратно, чтобы снова взмыть вверх прелестно закругленной струей, снова со звоном упасть вниз и опять подняться. (Говоря о фонтане, я имею в виду не обрамленный в камень естественный источник, а замысловатые конструкции механиков-гидравликов, поскольку и рассуждать нам, как правило, больше нравится о чем-то надуманном, искусственном, сконструированном.) Она радуется, наблюдая за нашей игрой, зная, в отличие от нас, что все наши искренние и зачастую даже отчаянные старания – всего лишь игра.

Вся мудрость философов (и не только элеатов, неизменно закругляющих все внутри единой сферы) так или иначе стремится к тому, что выражает ее улыбка и блеск ее глаз. А если и не стремится к этому сознательно, то все равно, рано или поздно, обретет в этой улыбке чистое и блаженное отдохновение.

Она, постигающая будоражащую неясность Гераклита не разумом, но чувством, несколько не сомневается в том, что натянутый лук *разрешился* полетом стрелы, а натянутая струна – звучанием, а именно в этом и состоит гармония⁸².

Да, я слишком увлекся течением моих слов, их перепадами, Луций.

ἜΩ κοινὸν αὐτάδελφον Ἰομίνης κάρα...⁸³

Я уже упомянул, что Исмена опьянила меня, словно суррентское вино, а также, что суррентское пока что не научились настаивать: думаю, это такое хорошее опьянение не продлится долго. Увы, Луций.

Итак, опьяненный благоуханием белой розы с золотистым окаймлением лепестков, я слишком увлекся своего рода преклонением перед знанием, которое противно осмыслению, преклонением перед тем, что можно было бы назвать мудростью чувства. Действительно ли это – некая высшая мудрость, или наш разум, наше натренированное логикой мышление еще попросту не в силах справиться со знаками, которые подаю нам чувства, не в силах постичь их? Я заговорил о знании, которое присуще чувству, но не разуму, и вот почему.

⁸² Ср. *Гераклит*. фрагмент 51: *παλίντροπος ἁρμονίη ὀκωστέρ τόξου καὶ λύρης*. «Гармония обращена в сторону обратную направлению движения, как у лука и лиры».

⁸³ Сестрица милая, головушка Исмена. (*Софокл*. *Антигона*, 1.)

Во время освящения Римских игр произошло нечто, в чем, думаю, можно усматривать некий особый смысл, даже знамение. Естественно, если разум (или опять-таки чувство?) не обманывает меня. Предназначенный для заклания молодой бычок – сильный и чувствительный, словно сплошная мышца, покрытая огненной шерстью, – вдруг вырвался уже перед самым алтарем, повергнув наземь жреца: темно-алая кровь страшно обагрила его белоснежные одежды. Жрец вскоре умер.

Бычку вдруг не захотелось умирать. Он вдруг почувствовал предстоящее и, конечно же, не разумом. С него уже срезали клочок шерсти: должно быть, это делают для того, чтобы жертвенные животные не боялись ножа. Бык казался спокойным, его уже подвели к алтарю, но затем совершенно молниеносно произошло *это* – столь неожиданно, но в сущности своей совершенно естественно. Бык метнулся, словно алая молния, разорвав опутывавшие его гирлянды цветов, и страшным ударом поверг жреца долу. Может быть, в то мгновение огонь слишком ярко резанул его по глазам или в звуке флейты вскрикнула вдруг, не удержавшись, изготовившаяся смерть. Его красновато-рыжее тело метнулось совсем как язык пламени, стало совсем как распаивающее разум хорошее вино – где-то у Гомера бык назван *виноцветным*⁸⁴ – и разорвало все, все, что было вокруг, всю святость, весь священный трепет, желавший насыщения кровью. Ожидание торжественного неизвестного мгновенно сменилось неодолимым ужасом.

Ужас внезапно вошел в его огненное тело и воплотился в нем. И тогда все мы исполнились того же священного и совершенно непредвиденного ужаса – не страха, рванувшего сгусток *виноцветной* мощи прочь от ножа, а сверхъестественного ужаса. Ужас вник в нас, как морская горечь в корабельное древо. Ужас жил в нас, превратив нас в животное, в жертву, и мы были только множеством телесных оболочек некоего единого, заполнившего все ужаса. Ужас бил нас не жертвенным ножом и не золоченым рогом, но метанием красного бычьего тела. Мы старались увернуться от этой животной молнии и убить ее, но не для того, чтобы спастись, и не для того, чтобы исполнить до конца долг жертвоприношения, а для того, чтобы убить ужас в самих себе, оторваться от него. Бык метался между жизнью и смертью, и все мы видели, как смерть порывистыми прыжками то приближалась к нам, отдалаялась от нас. Думаю, в те мгновения все мы обезумели, ибо нам открылось то, что противно разуму и сильнее разума. Все мы были животными, жертвами и жрецами.

Сейчас, когда я вспоминаю этот *пронзивший* меня ужас, мне вдруг показалось, что в какое-то мгновение взгляд быка встретился с моим взглядом. Вот я и нашел нужное слово: взгляд, в котором жил ужас, *пронзил* меня. Даже своим рогом бык не мог пронзить меня так страшно. Взгляд – копье, стрела, меч в *молниеносном ударе*⁸⁵, от которого не защититься доспехами. Во взгляде живет то, что в данное мгновение есть сущность существа, – восторг, ненависть, любовь, презрение, желание, радость, благоговение, боль. Взгляд быка пронзил меня, словно копье, которое стало тогда стержнем моего существа. Теперь я знаю, что ужас есть ожидание неотвратимого страдания.

Бык вырвался из святилища, и его кровавая глыба исчезла за оградой – самое живое, что было тогда среди нас, ибо это и было источником смерти. За оградой святости не было, и стражники беспрепятственно пронзили быка копьями: они не испытали ужаса, объявшего всех нас, и бык был для них не священной жертвой, а грудой живого мяса – как для охотников или мясников.

Лужа крови у мертвого рыжего всхолмления была очень темной, почти черной.

Я опять пытаюсь осмыслить совершенно дикий, истинно животный ужас, описывая его множеством слов. Сумела бы передать эту *виноцветную* разящую молнию и еще более ужасную неподвижность лужи чернеющей крови, сумела бы передать все это немногими словами

⁸⁴ βόε οἴνοτε. Илиада. XIII, 703; Одиссея. XIII, 32.

⁸⁵ Об этом понятии см. *Письмо IX*.

Исмена – восхитительная белая роза с золотистым окаймлением лепестков? Может быть, и сумела бы, но, думаю, вряд ли. В этом я и нахожу оправдание собственному многословию. Если бы ей удалось это, я был бы посрамлен ужасно и не находил бы себе места от стыда, словно грубый рубака из Рима, побежденный в некоем гладиаторском поединке искусным бойцом из Капуи.

Кстати, разве не то же происходит в трагедии, которой мы восторгаемся настолько, что даже кичимся друг перед другом своим восторгом? Разве не то же происходит, когда мы наблюдаем гладиаторские бои? Мы все вместе испытываем тот же священный, жертвенный ужас и радуемся его преодолению, переживая победу над тем из гладиаторов, который внушал этот ужас и нам и гладиатору-победителю: мы радуемся, что побеждены не мы, и потому чувствуем себя победителями. Мы радуемся смерти, убийству по нашей воле, а еще мы радуемся, обнаруживая в себе чувство сострадания.

Проснувшись вчера утром, я очутился в действительности, еще более странной, чем самый несуразный сон. Небо и все, что находилось под небом, было затянато рыже-алой – не *виноцветной*, а грязной и пыльной шкурой быка, предназначенного для торжественного заклания, но злосчастно заколотого копьями. Рыже-алый цвет был прозрачен, как, должно быть, прозрачна мгла в царстве мертвых. Я слышал крики, лязг металла – вроде бы, оружия, но не только – глухие удары, словно бревна били о камень. Все сливалось в гул, столь же мутный и прозрачный, как и заволакивавший все рыже-алый туман. Это было подобием потустороннего мира, а неясный и совершенно противный рассудку гул – подобием гула, в который сливаются стенания душ мертвых, напоминающие писк летучих мышей, если верить Гомеру⁸⁶. Писк этот был рассерженным, испуганным и возмущенным и впивался в мозг тысячами иголок, которые жалили, словно устремляясь из крохотных искр, вспыхивавших в мельчайших прорезях рыже-алого тумана.

Я выбежал на улицу. Не успевшее войти в полную силу солнце утонуло в облаках пыли, сливавшихся с мутными небесными облаками. Весь сумбур моего пробуждения в мгновение ока распался на вполне умопостигаемую действительность. Я испытал такое чувство, будто корабль, вонзившийся в свирепый морской вал, снова уверенно ложился на взбудораженную волну.

В школе Лентула Батиата произошел бунт. Поводом послужила необычайная изворотливость Лентула: не далее, как третьего дня, неведомо каким образом Лентулу удалось окрутить претора, и претор вдруг решил, что вместо гладиаторов Аврелия Скавра, как было договорено, сражаться будут гладиаторы Лентула. Аврелий Скавр был вместе со мной на ужине у Бадиа и горько сетовал на судьбу, осыпая проклятиями Лентула.

Над гладиаторами Лентула неожиданно занес свой молот этрусский Харон, и они взбунтовались. Невольно вспомнился вырвавшийся из-под жертвенного ножа бычок. В этой неудавшейся жертве я видел уже предзнаменование. О, если бы оно предвещало только бунт в школе Лентула и ограничилось пределами Капуи и Везувия, куда направились бежавшие из города гладиаторы!

Бунт произошел утром и совершенно неожиданно – тем более, что охрану и всего города и гладиаторских школ в особенности значительно усилили в связи с Великими играми. Бунт подавили, однако около семи десяткам гладиаторов удалось пробиться из школы: промчавшись, подобно смерчу, по улицам Капуи, они вырвались за ее пределы. Едва ли не самое удивительное то, что бунтовщики были безоружны, если, конечно, не считать оружием захваченных ими на кухне ножей, вертелов и топоров. К счастью для себя, бежав из школы, гладиаторы не бросились ни к ближайшим Юпитеровым воротам⁸⁷ (охрана там очень сильная), ни к каким-

⁸⁶ Одиссея. XXIV, 5-9.

⁸⁷ *Юпитеровы ворота (Porta Iovis)* находились предположительно близ святилища Юпитера Тифатского, т. е. со стороны

либо другим из семи городских ворот, а устремились в сердце города – на Альбанскую площадь⁸⁸, вызвав ужас и смятение, еще долго катившиеся волнами по всей Капуе. Опять вспомнился взбунтовавшийся бык: он был неодолим и словно обладал сверхъестественной силой пока метался внутри священной территории. Гладиаторы вырвались через Римские ворота, но затем стало известно, что они оказались на дороге к Везувии⁸⁹. Должно быть, предводителю взбунтовавшихся гладиаторов присуща особая изворотливость ума (или же опять-таки некое особое, животное чувство). Я узнал его имя: Спартак. Надеюсь, больше не услышу о нем никогда. Разве что – известие, что беглецов перебили или переловили на Везувии.

Любопытная подробность: вчера к вечеру стало известно, что неподалеку от Капуи, где-то в окрестностях Ателлы бунтовщики захватили несколько повозок с изысканным гладиаторским оружием – тем самым, которое везли из Неаполя для Аврелия Скавра и которым Аврелий Скавр успел похвастаться передо мной. В особенности, он собирался удивить меня новинкой – невиданными ранее в *ars gladiatoria* апулийскими панцирями и поножами. Бедный Скавр!

Впрочем, Лентула следовало бы пожалеть еще больше (если этого *meddex scelesticus*⁹⁰, как выражается Скавр, стоит жалеть): не считая семи десятков беглецов, более ста его бойцов перебиты во время бунта внутри школы. Кроме того, Лентулу придется вернуть в муниципий деньги, полученные за несостоявшиеся выступления гладиаторов, тогда как взятки, данной претору, он, естественно, обратно не получит. Бедный Лентул! Впрочем, поделом ему...

К вечеру Капуя пребывала в состоянии подавленности и раздраженности. Особенно когда узнали, что в Кампании разгуливает на свободе отряд гладиаторов и притом в гладиаторских доспехах⁹¹. Впрочем, слух о том, что бунтовщики направились на Везувий, несколько успокоил капуанцев.

Капуя напоминала таверну после ужасной попойки и еще более ужасного похмелья. Ее розовые благовония отдавали блевотиной. Опять вспоминали жертвенного быка, заколотого не на алтаре, а за оградой святилища копьями стражников. Кто-то вдруг вспомнил о кровавом дожде, прошедшем десять дней назад над Кизилином, кто-то – о младенце, прокричавшем в утробе матери: «Ио, триумф!», близ Нолы. А мне снова вспомнилась чернеющая кровь у мертвой рыже-алой молнии. В эту черноту погрузились минувшей ночью улицы Капуи, правильные, как полет сокола.

Я лег, чтобы уснуть, но, не знаю почему, все время чувствовал теплый и кисловато-соленый, напоминающий запах размятого в пальцах лаврового листа, пота или морской воды, будоражащий запах человеческой крови. Долго, далеко за полночь смотрел я на лунный диск, пытаюсь увидеть и в нем подобие восхитительной белой розы, успокаивающей смятение ума и бушевание крови. Мягкая женственность была и в его молочно-серебристом свете.

Затем мне показалось, что я различаю золотистое окаймление лепестков. Затем я увидел на белоснежном изгибе прозрачную каплю – росинку или слезу. Затем глубокую черную мантию, на которой лежал диск луны, вдруг разорвали с оглушительным треском чьи-то невидимые руки.

Я проснулся и увидел, как остроугольные Юпитеровы молнии рвут на части небо – совсем как на щитах наших легионеров.

горы Тифаты, к северу от Капуи.

⁸⁸ Такое название эта центральная площадь Капуи получила от находившегося там здания городского сената – «Белого дома» (*Aedes Alba*).

⁸⁹ *Римские ворота* (*Porta Romana*) находились, по всей вероятности, в западной части Капуи, со стороны ведущей на Рим Аппиевой дороги.

⁹⁰ *Meddex scelesticus* «верховный злодей» – неизвестное в текстах латинских авторов ироническое выражение, образованное по аналогии к *meddex tuticus* (титул верховного должностного лица в Кампании): *scelesticus* (правильно *scelestus* или *scelerosus*, от *scelus* – злодеяние – по аналогии к *tuticus*).

⁹¹ Известны случаи использования гладиаторов в качестве личной вооруженной охраны и даже разбойничьих банд отдельных влиятельных лиц, однако при этом вооружение у них, естественно, не было гладиаторским.

Гроза бушевала до утра. Бурные дождевые потоки с шумом неслись по строгим улицам Капуи, смывая с них рыже-алую грязь вчерашнего дня, кампанскую заносчивость и ужас – животный и человеческий. А утром Капуя благоухала свежестью так, будто внутри нее распустились мириады невидимых роз.

Жаль обещанных апулийских доспехов, оказавшихся вдруг где-то на Везувии. Жаль, что произошла вся эта сумятица, испортившая Римские игры. Тем не менее, выступления гладиаторов состоятся завтра: теперь это будут бойцы Аврелия Скавра. Среди них будут и две пары «Меркуриев».

Несмотря на все описанное, в том числе на бунт гладиаторов, Капуя моих надежд не обманула. Интересного оружия – в том числе старинного – здесь много. Думаю, останусь здесь, по крайней мере, еще дней на десять.

Письмо IV (Лесбосское вино)

Lucius Lucio salutem.

Я приступаю к этому письму, выпив чашу вина, подобно Квинту Эннию⁹².

В старой амфоре лесбосского, которым угощал нас минувшим вечером Бадий, оказались запечатаны настоянные на множестве лет воспоминания. Дионис ведь тоже бог вдохновения, а не только Аполлон. Мой захмелевший стиль⁹³ беспощадно вгрызается в папирус, угрожая разорвать его, но я не жду, чтобы опьянение прошло. Напротив, я тороплюсь написать это письмо, пока опьянение не улетучилось. Кто-то когда-то изрек ту истину, что «Истина в вине».

Воспоминания, хлынувшие из старой амфоры лесбосского, тоже лесбосские. Нет, они не о том, что было с нами там семь лет назад⁹⁴ – не о безумном взятии Митилены. Мои воспоминания – не о том, что было с нами, а о том, что было не с нами, и настоялись они не на годах, а на веках.

Мне вспомнился поединок Питтака с полководцем афинян (имени его не помню; помню только, что он был победителем на Олимпийских играх в пятиборье)⁹⁵. Афинянин, несомненно, превосходил Питтака в военном искусстве, иначе Питтак не стал бы спрятать под щитом рыбацью сеть. Этот поединок решал не только судьбу двух мужей, но и судьбу их городов, а потому могут сказать, что все средства были хороши. Впрочем, я думаю, – и думаю, и чувствую, – что этот поединок происходил не столько между двумя воинами – лесбосцем и афинянином, сколько между двумя способами ведения войны. Поскольку *πόλεμος* не только *λάττων μὲν πατήρ ἐστι*⁹⁶, но и сама жизнь есть война, вспомнившийся мне поединок был поединком двух видений жизни. С одной стороны, со стороны афинянина-олимпионика, сражавшегося строго по правилам военного искусства, это было *правильное* видение жизни, искусство, смысл которого – того, что называется *ἦθος, mos*⁹⁷. С другой стороны, со стороны Питтака, это было видение самой сущности вещей, не усложненной, не прикрытой такими одежаниями, как *ἦθος*.

Да, *история* ведь тоже ткань, созданная на некоем *ίστός станке*, и создаем мы ее, чтобы облечь что-то. Что, Луций?

Питтак словно почувствовал некую более истинную сущность, более существенную сущность, и потому он набросил на афинянина сеть. То, что никогда не было оружием, оказалось самым сильным оружием, возобладало над веками усовершенствованным оружием.

Думая об этом, я усиленно пытаюсь понять, действительно ли, *мы* изобрели ретиариев.

⁹² *Квинт Энний* (239–169 гг. до н. э.) – крупнейший эпический поэт республиканского Рима. Согласно традиции, восходившей к самому поэту, Энний не приступал к поэзии, не выпив вина (ср. *Гораций*. Послания. I, 19, 7. Там же о связи вина с поэтическим вдохновением).

⁹³ *Стиль* (зд.) – заостренная палочка для письма.

⁹⁴ Митилена была взята римскими войсками под командованием Марка Минуция Ферма в 80 г. до н. э. При взятии Митилены впервые отличился Гай Юлий Цезарь (*Светоний*. Юлий. 2). Луций Лукулл прибыл на помощь Минуцию Ферму, приведя с собой также корабли, данные царем Вифинии Никомахом IV.

⁹⁵ Речь идет о событии 607/606 г. до н. э. Ср. *Диоген Лаэртский*. I, 4: «Когда афиняне воевали с митиленянами за Ахилейтиду, митиленянами предводительствовал Питтак, а афинянами – Фринон, олимпийский победитель-пятиборец. Питтак вызвался с ним на поединок и, спрятав под своим щитом сеть, набросил ее на Фринона, убил его и так отстоял спорную землю».

⁹⁶ «Война – отец всего и царь всего». *Гераклит*. Фрагмент 53. См. выше *Письмо II*, стр. 21.

⁹⁷ Нрав (отсюда в русском «этика» и «мораль»), зд. как нечто установившееся, традиционный взгляд.

Коварное лесбосское вино кружит мне голову, перемалывая мысли, словно мельничный жернов, который вращал когда-то Питтак⁹⁸, один из семи древних мудрецов – не воин, а человек, сражавшийся вычурным оружием, некий *ретиарий*, в нашем понимании *гладиатор*. Дионисийское вдохновение, должно быть, совсем опутало своей сетью мои мысли, хотя мне кажется, что я обрел ясновидение. Я пьян, Луций?

Некогда вакханки разорвали Орфея, смертное выражение Аполлона, воплощение гармонии и поэзии, и бросили его голову и кифару в море. Это было во Фракии. Волны вынесли голову и кифару Орфея на берег Лесбоса, и с тех пор этот остров более всех прочих земель причастен поэзии. Виной ли тому только особое благоволение Аполлона к фракийцу Орфею или же его фракийская кровь и фракийское неистовство вакханок? Виной ли тому Дионис?

Я, кажется, трезвею, Луций.

И все-таки коварно лесбосское вино. Видимо, не зря Питтак велел наказывать пьяных за проступки вдвойне, чтобы лесбосцы не напивались, потому как вина на их острове слишком много⁹⁹.

«Труднее всего оставаться достойным»¹⁰⁰, – основное изречение, основная мудрость Питтака. *Быть* достойным – совсем не то же, что *стать* достойным, то есть *будучи* таковым изначально. Трудно стать достойным, не будучи таковым от природы, но трудно и оставаться достойным, будучи таковым от природы. Что труднее? Что почетнее? Вино, переливающееся в чаше, – *движение* внутри чаши и *постоянство* вне ее.

Симонидовские рассуждения¹⁰¹.

Коварное лесбосское. Лесбосское коварство.

Питтак-мудрец – это Питтак-ретиарий.

Теперь мне вспоминается уже не тот Лесбос, который настоялся на веках, но тот, который мы видели воочию. Это не Митилена, а Мефимна, где вина особенно изысканны. Должно быть, именно там сделали коварное вино, которым угощал нас минувшим вечером Бадий. В нем столько терпкости, что кажется, будто ныряешь очень глубоко, а всплывая на поверхность, чувствуешь всем своим существом, насколько горько и солено море. И тогда все, что в этом мире, видишь уже сквозь терпкость лесбосского вина, словно пребывая там, в глубине, в мире изогнутых и колеблющихся линий: видишь сквозь воздух, словно сквозь воду морскую¹⁰².

Я смотрю на Мефимну с высот Лепетимна¹⁰³: все обширное пространство передо мной раскинулось морем виноградников. На виноградниках тоже мельчайшая сеть из листьев и гроздьев. Как на море – мельчайшая сеть из волн и солнечных бликов.

И Везувий, утопающий в виноградниках, оказался опутан вдруг сетью фракийского коварства. Впрочем, дерзкий и очень умный бросок Спартака потому и кажется коварным, что не предусмотрен логикой нашего военного искусства.

Ты, наверное, уже знаешь, что произошло на Везувии. Претор Гай Клавдий Глабр загнал гладиаторов и примкнувший к ним сброд на вершину Везувия и запер их там, чтобы взять измором. Тогда Спартак велел сплести лестницы из виноградных лоз и низринул по ним с

⁹⁸ Ср. Диоген Лаэртский. I, 4: «Вместо гимнастики он молот хлеб на мельнице, как сообщает философ Клеарх». То же: Плутарх. Пир семи мудрецов. 14.

⁹⁹ Ср. Диоген Лаэртский. Там же. В 56 году до н. э. Гай Юлий Цезарь в честь третьего своего консульства устроил для народа угощение, предоставив четыре вида вина – фалернское, хиосское, лесбосское и мамертинское (т. е. из Мессаны в Сицилии). См. Плиний. XIV, 97.

¹⁰⁰ Точнее: «Тяжко быть достойным» (*χαλεπὸν φάτ' ἔσθλόν*): Платон. Протагор. С. 339.

¹⁰¹ Т. е. приписываемые Симониду рассуждения относительно «основного высказывания» Питтака. См. Платон. Протагор. 339 с–347 а.

¹⁰² Ср. Плиний. XIV, 74: «Лесбосское вино по природе своей имеет привкус моря».

¹⁰³ Мефимна и Лепетимн – соответственно город на севере Лесбоса, особо славившийся своим вином, и гора близ него.

крутых, почти отвесных скал в тыл нашим легионерам. Словно виноградные гроздья, скатившиеся вдруг по тугому парусу тирренского корабля¹⁰⁴.

Претор погиб, солдаты частично перебиты, частично разбежались. Наше войско рассеялось словно силой какого-то колдовства. Кстати, говорят, что Спартака сопровождает какая-то фракийская колдунья – то ли жена, то ли возлюбленная, но следует ли верить в это колдовство?.. Пьян ли я или же пьяна эта действительность, которая станет историей – тканью, покрытой сетью капуанского гладиатора? наших было под началом Гая Клавдия Глабра три тысячи.

Виноградная сеть упала на наших солдат. Бросок незримого исполинского ретиария. Виной ли тому тоже фракийская кровь и фракийское неистовство?

Я, словно некий Пенфей, *вижу два солнца и Фивы двойные*¹⁰⁵.

Вчера через Капую прошло войско Публия Вариния, словно слуги Пенфея, идущие на Киферон изловить вакханок. Публий Вариний идет на Спартака уже как на противника, а не как на предводителя разбойного сброда. Еще один Пенфей.

Мне кажется, что трезв все-таки я, а все остальное вокруг меня – опьянение, и Везувий объят какой-то вакханалией. Война с гладиаторами. Война с рабами. Война со всяким сбродом.

Впрочем, что есть правда, а что – игра воображения в нашем нескончаемом поединке-игре со смертью, который мы называем жизнью?

Мы создали и постоянно совершенствуем *ars gladiatoria*, вкладывая в нее все наши все более изощренные боевые переживания, восторгаемся ею и презираем ее, упорно не желая признать ее *ars militaria*.

Коварное лесбосское, дающее ясновидение...

Вот, видишь: на этом опасном слове *ясновидение* мой стиль уже угрожающе разорвал папирус.

Поэтому пока что желаю тебе здравствовать, Луций.

Будь осторожен: многие утверждают, что именно из тех краев, где ты теперь подвизался, привел свое воинство Дионис¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Аллюзия к мифу о Дионисе и тирренских морских разбойниках. Изложение см., например, в «Гомеровском гимне к Дионису».

¹⁰⁵ См. *Эврипид*. Вакханки. 918–919: «καὶ μὴν ὄρᾶν μοι δύο μὲν ἡλίους δοκῶ, δισσὰς δὲ Θήβας...» Это место затем повторяется дословно в римской поэзии у Вергилия (*Энеида*. IV, 468).

¹⁰⁶ Ср. *Плиний*. XIV, 96: «Вернувшись из Азии, он (Лукулл) привез с собой более ста тысяч кадок вина емкостью в конгий» (1 конгий = 3,275 л). Неизвестно, о каком именно возвращении Лукулла из Азии идет речь – после I Митридатовой войны (военных действий на Лесбосе) или после III Митридатовой войны. В последнем случае слова Луция Сабина «пророческие».

Письмо V (Зной)

Lucius Lucio salutem.

Пишу тебе из Регия. В детстве я думал, что места здешние – самые спокойные в мире. Думал, что даже цикад здесь не слышно. А виной тому прелестная сказка об отдыхе, который боги устроили уставшему Геркулесу. «Локрийская цикада в Регию тишайшая, регийская цикада в Локрах безгласнейшая», – пишет Феофраст и врет¹⁰⁷. Не верь этому утверждению, Луций: здешние цикады трещат, как самые отъявленные сволочи или как римская чернь перед выборами. Не верь и тому, что пишет Леотихид о здешних винах, – все это обычная греческая ложь. Но пиво здесь хорошее, хотя раньше я о нем не слыхал. Особенно хорош темный сорт.

Здешние цикады – удивительные сволочи. Такое впечатление, что они – звуковое соответствие изнуряющего зноя. Зной в эти дни здесь, действительно, изнуряющий, хотя солнце вскоре уже соскользнет с Весов. Помнишь Афины? Моя голова воспринимает здесь солнце почти так же мерзко, как и там.

Впрочем, чувствую себя превосходно.

Я примчался сюда ради медной статуи Диомеда работы якобы одного из учеников Поликлета: кроме замечательного вооружения, она представляет огромный интерес военными сценами, изображенными на щите. Это свершения Диомеда в Италии, причем старинное оружие давнейших воинов¹⁰⁸ передано с изумительной точностью. Все это я – увы! – только слышал: увидеть статую так и не смог. Меня опередили. И кто же? Пропретор Гай Веррес¹⁰⁹. Лапы этой новоявленной Скиллы шарят не только по Сицилии, но и по югу Италии: его ищейки успели купить и увезти статую¹¹⁰. Эта неудача в сочетании с тем, что известно о проделках борова-поклонника искусств¹¹¹, вызывает во мне раздражение и злость: два дня скакал я под палящим солнцем, но, как оказалось, впустую.

Ужасно не хотелось уезжать из Капуи.

Впрочем, чувствую себя превосходно.

Здешний народ сразу же пронюхал о том, чем я занимаюсь, – один из самых характерных признаков глухой провинции, – и какие-то явные ловкачи (опять греки) тут же притащили мне три ржавых меча, о которых наплели, будто это их семейные реликвии, сохранившиеся со времен родосского переселения – того самого, о котором пишет Тимей¹¹². Из трех мечей два –

¹⁰⁷ В сохранившихся текстах произведений Феофраста упомянутая здесь фраза отсутствует: она встречается у более позднего Элиана (О свойствах животных. V, 9).

¹⁰⁸ *Давши* – племя, обитавшее в Апулии, во владения которого переселился после Троянской войны Диомед.

¹⁰⁹ *Гай Веррес* (ок. 115–43 гг. до н. э.) – наместник Сицилии в 73–70 гг. до н. э., прославившийся своими вопиющими злоупотреблениями. Обвинителем на процессе Верреса выступал со знаменитыми речами Цицерон. Об «интересе» Верреса к старинному оружию см., напр. *Цицерон. Против Верреса. Вторая сессия, IV, 44 (97)*: «В Энгии есть храм Великой Матери... В этом храме находятся чеканные медные панцири и шлемы коринфской работы и такой же работы большие гидрии, сделанные с таким же совершенным мастерством; их принес в дар все тот же знаменитый Сципион, выдающийся во всех отношениях муж, велел вырезать на них свое имя... Все это он похитил, судьи, и не оставил в глубоко почитаемом храме ничего, кроме следов своего святотатства и имени Публия Сципиона».

¹¹⁰ *Собаками* агентов Верреса называет и Цицерон (напр. *Против Верреса. Вторая сессия, IV, 12 (31)*): «Хорошо узнав и проверив их в деле, Веррес взял их с собой на Сицилию. Когда они приехали туда, то всем на удивление, словно *охотничьи собаки*, все вынюхивали и выслеживали, находя тем или иным способом что и где бы то ни было»).

¹¹¹ Фамильное имя *Verres* дословно означает «*боров*» (домашний и некастрированный в отличие от *porcus* и *sus*). Цицерон неоднократно обыгрывает буквальное значение этого имени (напр. *Против Верреса, Вторая сессия, IV, 25 (57)*): «Веррес, бесспорно, оправдал свое родовое имя»).

¹¹² Речь идет о переселении с Родоса и Книды на Сицилию и Липарские острова в 580–576 гг. до н. э. *Тимей* из Тавромения (ок. 356–260 гг. до н. э.) – знаменитый греческий историк.

совершенная дрянь и, судя по состоянию клинков, не старше сорока лет: все их «достоинство» в ржавчине, а к родосским (и вообще греческим) мечам они не имеют никакого отношения: все три изготовлены явно где-то в Этрурии, скорее всего в Популонии, из эфалийского железа, на что может указывать хотя бы та же ржавчина с особой бледноватой желтизной¹¹³. Зато третий меч – подлинная находка для почитателя древностей – настоящий галльский меч из тех, которые сами галлы называют словом, созвучным нашему *gladius*¹¹⁴, и над которыми наши гладиусы одержали блестящую победу в битве при Теламоне, как рассказывает Полибий¹¹⁵. Греки приняли меня за типичного римского идиота (мы для них все такие) и заломили за мечи ни много, ни мало 38.000 сестерциев¹¹⁶. Я показал им настоящий родосский меч времен Пентафла¹¹⁷, они сразу же утихомирились и согласились на 18.000 сестерциев за все три меча. Галльский «гладиус» по моей оценке стоит около 22.000 сестерциев. Греческая черта хитрить при полной неосведомленности могла бы казаться даже забавной, если бы не проявлялась так часто. Помнишь Афины, Луций?

Это замечательное приобретение, несмотря на его дешевизну, в совокупности с прочими расходами последнего времени оказалось для меня весьма обременительным.

Впрочем, чувствую себя превосходно.

Здесь народ удручает. Дикое, отвратное смешение греческого и нашего, италийского, в худших проявлениях и того и другого. Они никогда не станут тем, чем якобы так желали, – римлянами. Существовавшие здесь веками затаенная тупая злоба и страх не утихли, а, наоборот, усилились после Марсийской войны¹¹⁸ и распрей Мария и Суллы, и прикрыты здесь еще более отвратной услужливостью, когда в тебе чувствуют настоящего римлянина. Такое ощущение, будто чуть ли ни каждую минуту, особенно при лстивых речах, готовы садануть тебя исподтишка апулийским ножом. Самое печальное то, что во всем этом нет никакого смысла.

Сегодня утром ходил смотреть здешних гладиаторов (упражнения). Ланиста дал им помахать боевым оружием и сорвал за просмотр 1.700 сестерциев. Гладиаторы здесь более чем посредственные. Морды и туши, как у обычных бандюг. Фехтовать не умеют. Специализируются исключительно на «галлах» (опять-таки провинциальная убогость). Чем больше удаляешься от Капуи, тем неуклюжее движения и все больше грубой, некультуривированной силы. Не сражаются, а рубятся. Смотря на здешних «убойных» бойцов и вспоминая капуанские школы, невольно думаешь, что здешние гладиаторы не смогли бы восстать: им восставать ни к чему.

О мятежниках с Везувия здесь почти не слышно. Пишу «почти», потому что о разбойниках на дорогах поговаривают и, думаю, подразумевают при этом также Спартака, хотя этого имени я не слышал ни разу. Какая-то неприятная тяжесть висит здесь в воздухе: словно чувствуешь колебание незримых весов судьбы, словно власть Рима здесь столь же (не более и не менее) естественна, как удручающий, переполненный зноем и пылью день, который не менее естественно может прервать ливень. В здешних слухах о бунтовщиках на дорогах присутствует странно-неприятная смесь корысти и бунтарства. А может быть, виной всему только переполненный зноем и пылью день.

¹¹³ *Эфалия* – античное название острова Эльбы, известного залежами железной руды и их разработкой (*Диодор Сицилийский*. V, 13, 1; *Страбон*. V, 2, 6). *Популония* – город на побережье Этрурии, напротив Эльбы.

¹¹⁴ *Gladius* – слово кельтского происхождения (ср. древнеирландское *claideb*, кимврское *claddyf* и др.).

¹¹⁵ *Теламон* – город на побережье Этрурии. Римляне одержали здесь в 225 году до н. э. победу над галлами. Эту битву подробно описывает *Полибий* (II, 27-31), отмечая особо превосходство римских мечей над галльскими (II, 30, 8).

¹¹⁶ Для сравнения: «Не на наших ли глазах небольшая бронзовая статуя была продана за 40.000 сестерциев?» *Цицерон*. Против Верреса. IV, 7 (14).

¹¹⁷ *Пентафл* – кнidianин, потомок Геракла, предводитель родосскокнидского переселения на Сицилию и Липары.

¹¹⁸ *Марсийскую* (или *Союзническую*) войну (90–88 гг. до н. э.) вели с римлянами италики, добывавшиеся предоставления им прав римского гражданства. Свое название эта война получила от *марсов* – одного из горных племен Пицена.

Впрочем, чувствую себя превосходно.

Уже несколько раз пишу это слово. Да, именно так – «превосходно», Луций, потому что я вдруг сумел «превзойти» собственную собранность и напряженность, в которой пребываю уже годы.

Луций, я все тот же безудержный женолюб, упорно избегающий женщин.

Три дня назад я коснулся ее. О чем я? Все о том же женском образе, о некоей идее женщины, которая время от времени обретает плоть и кровь, являясь иногда воочию в нашей жизни.

Два дня проскакал я под палящим солнцем, но усталости не чувствую нисколько: само же солнце было словно выжжено, потому что вечером третьего дня я прочувствовал ее тело. Тело ее со мной, и вся она со мной, хоть она – в Капуе.

Дам ей римское имя, хоть она не римлянка. Мне так удобнее: *ars gladiatoria* увлекла меня условностью своего вычурного оружия, скрывающее людей словно маской и делающее их *personati*. Пусть это будет «гладиаторское» имя, имя одной из гладиаторских школ. *Cornelia*? В этом имени слишком много опыта, а звучание его закрыто согласными. *Licina*, ваше родовое имя, Луций? Прости, но по твоей вине в этом слишком много изящества. Пусть она зовется *Iulia*. В честь новой (и очень хорошей) школы любимца вифинского царя и любимца римской толпы Гая Юлия Цезаря¹¹⁹.

Ей очень подходит это имя – короткое, мягкое, белокурое благодаря звукам *iu* и *l*. Она совсем невысокого роста, рыжая, как ореходавка, с глазами цвета лазури – *caeruleum*, который я очень люблю в море и в небе, потому что там он возвышает и освежает чувства, и очень не люблю в глазах, потому что там он лжет. Губы ее – цвета розы, за которой закрепилось название «капуанская», – слегка алеющей, но очень сочной, а прелестный легкий шрам слева на лбу еще более подчеркивает общее несоответствие ее идеалу женской красоты.

Два дня назад я коснулся ее. Ладонь моя легла ей на бедро, а пальцы благоговейно опустились туда, где начинается лоно, и вся рука моя (правая, так привыкшая чувствовать меч и стиль) прониклась ощущением ее спины, плеча, ... ощущением всего ее тела от пальцев ног до затылка со всеми выпуклостями и впадинами. Удивительная живость ее тела вошла в меня теплой волной, светлым лучом и стала творить внутри какое-то чудо.

Словно стрела Эрота пронзила мне ладонь, пригвоздив руку к несокрушимому щиту, которым я прикрывался всю жизнь.

О, сколько было в ней женственности, сколько было в ней хорошей, доброй силы! Луций, рука моя до сих пор вся в ласках, вся в неге, и я с трудом держу стиль. Никогда еще я не чувствовал осязаемо такого светлого ликования.

Пятнадцать лет назад (почти пятнадцать – без двух месяцев) я тоже сподобился осязать чувство. Это была этруска, носившая имя древней царицы Танакил. С резкими чертами лица, высокая, худощавая, с темными глазами, пугающими и испуганными, в которые я проваливался, как в бездну. Тогда во мне не было нежизненного спокойствия, а встрече нашей предшествовало страдание.

Случилось так, что ночью мы оказались вместе. Уснули вместе на одном очень просторном ложе, не снимая одежд, потому что незримая преграда обычая была между нами. И ночью, среди сна моя рука сама вдруг нашла ее руку и соединилась с ней. «Я люблю тебя, Танакил, – сказал я. – Мы словно двое вечных возлюбленных, которые встретились по воле судьбы только для того, чтобы понять это, но между нами – рассекающий меч!». «Ты утратил рассудок», – ответила она с напоминающим ностальгию желанием и испугом. Сколько правды было в ее словах: мне, действительно, *посчастливилось утратить рассудок*.

¹¹⁹ *Марсийскую* (или *Союзническую*) войну (90–88 гг. до н. э.) вели с римлянами италики, добивавшиеся предоставления им прав римского гражданства. Свое название эта война получила от *марсов* – одного из горных племен Пицена.

Мы прильнули друг к другу губами. Но преграду, которая была между нами, преграду, которую я назвал мечом, я не нарушил.

Утром я обнимал ее колени. Руки ее ласкали мои волосы.

Вскоре я ушел от нее. Несколько лет рука моя пылала. От боли, которая есть любовь. Может быть, это и было высшее мгновение моей жизни. Несколько лет моя правая ладонь не могла прикоснуться к женщине, даже совершенно без чувства...

Луций, два дня назад я коснулся ее, и рука моя до сих пор полна какого-то необычайного света, как ласковое море, как смеющееся небо, как восторженные глаза той, которую я назвал Юлия, – глаза, которым я не верю. Луций, я ожил. Во мне нет того страдания, которое было любовью. Но что это? Влюбленность? Гладиаторская красота?

Когда я заговорил с ней, голос мой прерывался. Робость охватила меня. Я был совсем юным, сердце мое учащенно стучало, я не верил, что это возможно. Я прервал самого себя молчанием.

Утром следующего дня я взял табличку. Очень хотелось поделиться с ней моей радостью. Я написал то, что было великой правдой. Старался писать как можно более сдержанно, чтобы осталась только правда, без каких-либо прикрас.

Когда я прочел написанное, мне стало страшно. Суметь передать другому свою искренность, когда мы так привыкли защищать себя панцирем настороженности от окружающей лжи, – вот что самое трудное.

Я испугался, что слова мои могут показаться чрезмерными. Ведь искренность не любит многословия. Я еще и еще раз перечитал написанное, затем разломил табличку надвое и отправил ей верхнюю половину.

До сих пор моя правая рука чувствует прикосновение твоего тела. Чувствую себя удивительно хорошо. Так, словно причастился к чему-то священному. Тело твое потрясающе живое: чувствую, как жизнь переливается в нем. Переливается, удивляется, спрашивает, ждет, желает. Чувствовать это – великое благо.

Хвала богам – я этого блага сподобился. Я вобрал в себя восторг, как зеркало вбирает образ.

«Очень красиво», – таков был ее ответ. Ужасный! *Красиво!* Не *bene*, не *pulchre*, не *splendide*, не *mirabile*¹²⁰. Из всего, что есть в нашем языке, она нашла самое глупое, самое отвратительное, самое подражательное греческому εὐμορφον – *formose*. Ей не понять, *что* сокрыто в ней! Ей не понять, *что* сокрыто в ее теле! Тело ее увидело, но она тут же ослепила его. Какое уродство может скрывать слово «красота»! Да ведь сама она не красива, она просто чудесна!

Когда я вижу ее тело – и днем и ночью – вся асимметрия ее исчезает. Лицо ее преображается. Налет общения с людьми исчезает, и остается первозданная прелесть природы, у которой прекрасно все. Ложь в лазури ее глаз тоже исчезает, и остается только безмятежное сияние моря, которое греки называют γαλήνη. Тело ее становится осязаемым солнцем, к которому можно прикоснуться, не обжигаясь, в которое можно *вникнуть*. И тогда понимаешь, почему самую священную часть храма называют *penetralia*¹²¹. Вся она из золота, и лоно ее оканчивается золотым руном, волшебным плодом из садов Гесперид, который вскрываешь и обретаешь изумительную розовую мякоть с белым налетом – волшебный плод Островов Блаженных, освежающий в летний зной и согревающий в зимнюю стужу. И смеешься, читая рассуждения мифографов о том, *что* есть χρυσῶ μῆλα – золотые агнцы или золотые яблоки¹²²: эта золоти-

¹²⁰ Соответственно *хорошо, прекрасно, блестяще, чудесно*.

¹²¹ От *лат.* penetrare *проникать* (это же слово – эротический термин).

¹²² В древнегреческом языке μῆλον (мн. число μῆλα) означает и «яблоко» и «овца».

стая мягкость и это золотистое свечение, в которое преобразуется телесный восторг, есть нечто влекуще заповедное, символическим выражением которого является и агнец, и плод, что хранится в чудесном саду на краю Океана, – то *нечто*, в которое погружает восторг, даруемый женщиной.

Луций, какое счастье обладать влюбленностью! Несмотря ни на какое нелепо-слепое *formose*.

Что это? *Amare*, потому что в этом есть оттенок горечи, или *bene velle*¹²³, потому что в этом все же больше доброты *bonum*? (Я простил бы ее, если бы она сумела почувствовать доброту.) Ищу верное слово, нахожу греческое ἔρασιαι, но затем отбрасываю и его тоже: в этом нет великого Эроса, нет созвучной ему ῥόμιη¹²⁴. Хотелось почувствовать восторг холодно и трезво. Но позавчера голос мой дрогнул, я прервал самого себя и послал ей половину таблички. И хорошо сделал, что вторую половину оставил у себя.

Приобретенный здесь старинный галльский меч лежит передо мной. Выглядит он настолько грозно, что даже удивляешься, как это мы побеждали вооруженных такими вот мечами огромных северных варваров. Потом понимаешь, почему мы сами отказались от таких мечей и предпочли им короткие гладиусы, напоминающие испанские: гладиус легче чувствовать. Сражаясь гладиусом, легче находишь соответствие руки и клинка. Но и испанцев мы покорили, потому что после Пунических войн преобразовали их мечи, избавившись от чрезмерной чувствительности и научившись наносить этим чувствительным оружием также и рубящие удары. Нам дано чувствовать мечи и дано чувствовать женщин.

Северные варвары, галлы и германцы, пренебрегают женщинами. Очень часто среди их женщин можно видеть русских, почти совсем белых красавиц, напоминающих безупречные статуи перед тем, как их покрывают краской. И, тем не менее, зачастую они одержимы страстью к мужчинам, которая, учитывая красоту их женщин, выглядит совершенным безумием.

Испанцы же, напротив, подвержены другому виду безумия, пренебрегая самими собой из-за женщин. Некоторые греческие историки считают, что испанцы превосходят женолюбием все прочие народы: бывало, в качестве выкупа за каждую похищенную у них женщину они отдавали трех, а то и четырех мужчин, а в старину, участвуя в походах карфагенян, не привозили на родину денег, но всегда просили в качестве платы женщин и вино¹²⁵.

Мы, римляне, научились *истинно* любить женщин. Мы нашли соответствие в любви, как нашли его и в оружии. Мы создали *ars amatoria* и *ars gladiatoria*. Поэтому мы и никто другой владеем миром.

Любить, впадать в восторг, жить наслаждением и помнить, что всему этому нами же установлен предел, более того – что именно сознание предстоящего отказа позволяет чувствовать себя счастливым, невзирая ни на какие запреты, позволяет отдаться безумству, не свернув себе при этом шеи, – не в этом ли сущность и *ars amatoria* и *ars gladiatoria*? Попробовать взять, отказываться и одновременно радоваться горечи утраты.

Зной сегодня невыносим. Грязный цвет туник на улицах удручающ. Поэтому сегодня я нахожусь на вилле у Рабирия, изучаю его коллекцию оружия, читаю Тимея и Антиоха¹²⁶ и пишу тебе письмо. Цикады здесь – отъявленные сволочи.

Впрочем, чувствую себя превосходно.

¹²³ Оба глагола выражают понятие любить. О различии между ними см., например, тонкие замечания М. Гаспарова: «...В латинском языке слово «любить» (*amare*) означало именно «желать», а для понятия «любить» в нынешнем смысле слова нужно было искать других выражений» и т. д. (М. Гаспаров. Об античной поэзии. СПб.: Азбука. 2000. С. 103).

¹²⁴ Сила, мощь (*греч.*).

¹²⁵ Нечто подобное сообщает Диодор Сицилийский (соответственно V, 32 (только о галлах) и V, 17), хотя, согласно Диодору, исключительным женолюбием отличались не испанцы, а жители Балеардских островов, о чем сообщает и Псевдо-Аристотель (Рассказы о диковинах. 88).

¹²⁶ *Антиох* из Сиракуз – историк V века до н. э., занимавшийся историей Сицилии («История Сицилии», которой пользовался Фукидид) и Южной Италии («Об Италии»).

Завтра отправлюсь в храм Нептуна. Посвящу туда неотправленную половину таблички: море ведь тоже стихия любви. Вот ее содержание:

Рука моя до сих пор прикована к тому, в чем нет обмана, к тому, что есть чудо и есть вечное.

Тело это – твое. Самое осязаемое, многообразно осязаемое. Когда-то я назвал бы это очарованием. Сейчас вижу в этом знак того, что я – вечно юн, как боги.

Эти слова – стремление запечатлеть. Поэтому, наверное, их достаточно.

Надеюсь, ты поймешь, насколько важно для меня все написанное – и правильность нашего отказа от старинных галльских мечей, и удручающий зной Регия, и сладостный восторг в моей правой руке.

Завтра поищу здесь еще что-нибудь интересное. Если не найду ничего, немедленно вернусь в Капую. А если найду что-нибудь интересное, то сразу же постараюсь приобрести или, по крайней мере, описать это, и немедленно вернуться в Капую.

Письмо VI (Галльский поцелуй)

Lucius Lucio salutem.

Я снова в Капуе: ожидаю торговца, который пообещал привезти якобы очень старинный шлем из Апулии. Пишу «якобы», потому что не особенно верю ему. Это – грек, стало быть, обещания его – ложь: если этот хваленый шлем и существует, то окажется, что он не из Апулии, а если и из Апулии, то не такой уж и старинный. Хоть что-то, но обязательно не будет соответствовать истине. «Греческие обещания», – гласит поговорка. Впрочем, ну его к воронам! О ней я думаю. Ради нее нахожусь здесь, ожидая, как глупец, старинный шлем. Ради нее варюсь в этом кипящем котле, в который превратилась Кампания. Страхи, надежды, радости, беглые рабы и беглецы-свободные и к тому же богатые, восстание, безумие – одним словом *Спартак*. Но из-за нее не уезжаю отсюда.

Я хотел войти, ворваться в нее. Хотел заполнить всю ее собой, как меч ножны. Хотел разорвать ее пределы и дать ей мою широту. Хотел излиться в ней, как облако, переполненное грозой и ностальгией по ясному небу, изливается в благоухающую землю. Хотел взорваться в ней и исчерпаться. Хотел испытать с ней нежную послегрозную радость нового прихода в мир. Хотел прильнуть вместе с ней к тому новому, что прочувствуем мы вместе, как единое существо после восторга слияния.

Я хотел причастить ее к *Эросу*, самому космогоническому из богов. Хотел сам убедиться в своей правоте, в правоте разума. Хотел разорвать свой сдержанный тон и все свое многолетнее красноречие. Хотел дать ей себя.

Так было еще вчера.

Мой первый поцелуй она разорвала, размазала его по воздуху, по всему закатному небу, там, на склоне Тифат¹²⁷, и он остался в моей памяти как огромный лепесток розы, благоухающий ее кампанскими ароматами, сияющий голубизной ее глаз и золотистым сиянием ее волос. Ее первый поцелуй, разорванный поцелуй, остался в памяти моей как чарующая пощечина, как нащечник гладиаторского шлема кампанского же типа. Ее второй поцелуй, совершившийся целую жизнь спустя – через целых четыре дня, был радостной игрой. Я хотел выпить ее, хотел вобрать ее всю, как чашу воды после перехода через Ливийскую пустыню, как хлеб нового урожая после Элевсинского воздержания. А она, смеясь, сказала, что я жадный, и что я вообще не умею целовать. Оказывается, нужно было попросту не касаться ее рта языком! Помнишь уроки Сульпиции, Луций? Помнишь самый восхитительный кусочек упражнения, подготавливающего к постельной борьбе, – долгий медовый поцелуй с прикосновением нежного языка¹²⁸? Эта девочка учила меня целоваться одними губами – в этом особая кампанская легкость. Она учила меня поцелуям, словно она, а не я старше вдвое. Благословенная пора «второго цветения»: розам, сорванным в эту пору, дано хранить свой аромат настоящим на времени¹²⁹.

Когда я держал в объятиях ее тело, мне в какое-то мгновение стало страшно от мысли, что если, действительно, придется ласкать ее, она моих ласк может не выдержать. Но страх этот был мимолетным: я снова чувствовал себя вечно-юным богом или одним из тех нежных юношей, которых любовная игра превращает в птицу, в зверя, в источник или в цветок, как

¹²⁷ *Тифаты* – горная гряда к северу от Капуи.

¹²⁸ О различных видах поцелуев см., напр., у более позднего Апулея («Метаморфозы», VI, 8): *septem savia suavia et unum blandientis appulsu linguae mellitum* («семь сладостных поцелуев и один медовый с прикосновением нежного языка») и (IV, 31) *oculis hiantibus... diu ac pressule saviata* «поцеловав долго и крепко... приоткрытыми поцелуями».

¹²⁹ Ср. *Письмо III*, прим. 36.

о том любят писать александрийские поэты. Когда она учила меня, как следует держать губы при поцелуе, я забыл, что я – римлянин, и что и в любви нашей сокрыта суровая красота.

Все здесь, на юге Италии, начиная с Кампании и дальше, играют в любовь и смерть. Потому здесь так любят гладиаторские бои и искусных блудниц. Гладиаторов здесь четырнадцать разновидностей, у нас в Риме – девять (включая те три, которые ввел недавно Цезарь после возвращения из Вифинии), в Этрурии – семь (по крайней мере, со времен Тарквиния Древнего), у Антиоха Сирийского¹³⁰ их было восемь (все, за исключением опять-таки исконно этрусских разновидностей, бездарные греческие извращения). Итак, из четырнадцати видов здешних гладиаторов, три – сугубо кампанские, и все три великолепные с точки зрения фехтовального искусства – *скутариш* (которых мы, переделали после Марсийской войны в «самнитов»), *димахеры* и *ксифариш*¹³¹, чем-то напоминающие наших римских «фракийцев», хотя ксифарии появились в Кампании прежде, чем у нас, независимо от кампанцев, появились «фракийцы». Естественно, возникает вопрос: не возникли ли ксифарии и фракийцы, как мы зачастую выражаемся, «из общего источника»? Если это так, то таковым источником, думаю, могли быть гладиаторы, заимствованные из провинции Азия, то есть с территории бывшего Пергамского царства, где фракийцы, как правило, служили наемниками. Кстати, там же могла возникнуть и разновидность «галлы». Интересно было бы посмотреть исследования по военному искусству, написанные пергамскими учеными (вышли при случае). Во всяком случае, наша традиционная пара «фракиец» против «галла» чем-то напоминает о деяниях Эвмена¹³², когда пленные галлы появились во множестве и в Пергаме, и в гладиаторских школах Антиохии.

Коль я упомянул о «галлах» (постановка проблемы интересна, не так ли, Луций?), эта девочка, Юлия (опять-таки, благодаря Цезарю, имя азийской гладиаторской школы), очевидно, как все кампанские блудницы, называет мой поцелуй «галльским». При чем тут галлы? По крайней мере, больше половины римских женщин, которых я знал, предпочитает именно этот поцелуй. Неужели его следует возводить ко временам нашествия Бренна¹³³? Почему же, когда я ласкал ее груди, она не дала движению моих пальцев какого-нибудь особого дурацкого названия – «римский захват», «греческий огонь», «самнитская давиленья» или еще что-нибудь в этом роде. Видишь, как относительны все названия, Луций.

Впрочем, *ars amatoria искусство любовных утех* – тоже искусство, и, пожалуй, не менее интересное, чем *ars gladiatoria, гладиаторское искусство*. Между этими двумя видами искусства, действительно, много общего. Оба они особо будоражат наше воображение, оба имеют ярко выраженную тенденцию к изысканному извращению, оба необычайно зрелищны (всенародно или при закрытых дверях спальни – это уже другой вопрос), оба носят ярко выраженный элемент игры и стремятся к полюбовному итогу, оба грозят мучениями и смертью в случае чрезмерного увлечения или наоборот чрезмерной серьезности. Оба эти искусства – искусства страсти и смерти.

Не знаю, нравилось ли ей мучить меня или это получалось у нее самопроизвольно. Ей было хорошо со мной, чего она и не скрывала. Мне нравилось ощущать ее присутствие, нра-

¹³⁰ Царь Сирии *Антиох IV Эпифан* (175–164 (?) гг. до н. э.) долгое время прожил в Риме заложником, а затем, став царем, ввел гладиаторские бои на греческом Востоке. Ср. *Тит Ливий*. XLI, 20, 11-12: «гладиаторские игры он стал устраивать по греческому образцу – сперва скорее к ужасу, чем к наслаждению непривычных зрителей, но потом, частым повторением (и не только с ранениями, но и без пощады) добился того, что это зрелище стало привычным и приятным, и многих юношей привлекло к военному делу».

¹³¹ *Скутариш* (от лат. *scutum щит*) и *ксифариш* (от греч. ξίφος – *меч*) из других источников не известны. Упоминания о *димахерах* (от греч. δύο – *два* и μάχαιρα – *кинжал*, т. е. речь идет о бойцах, сражавшихся либо *двумя кинжалами*, либо *двойным кинжалом*) относятся к более позднему времени (*Артемидор*. Сонник. II, 32).

¹³² Речь идет о пергамском царе *Эвмене II*, неоднократно воевавшем с галатами (галлами) в Малой Азии. Свою величайшую победу над галлами Эвмен одержал во Фригии в 166 г. до н. э.

¹³³ *Бренн* – предводитель галлов во время их знаменитого похода на Рим в 390 г. до н. э.

вилось говорить с ней, нравилось чувствовать ее тело. Я *желал* ее, как желаю весь мир от его сотворения, включая все, что было с ним и что доступно моему разуму, и до того мгновения, которое отметит мой уход из этого мира... Нет! Я желал я даже больше: я желал ее в моих будущих жизнях, если есть правда в учении Пифагора, а если нет в нем правды, то все равно – я желал ее и в грядущем, которое недоступно моему телу, но может быть доступно моему разуму или хотя бы мечте. Она боялась моего желания. Она была готова к моему пресыщению. Она восторгалась мной и совершенно *не верила* в меня. Я хотел сражаться за нее *моим* оружием, но она набросила на меня сеть, как ретиарий на мирмиллона или на «галла»¹³⁴, который сражается старинным мечом и целует ненасытным поцелуем. Она говорила, что одолеет меня в *постельной борьбе*, однако этого боя, гладиаторского боя, боя ради потехи, я так и не принял. Когда я решил покинуть ту гладиаторскую арену, которой стали для меня ее ласки, и вернуться в жизнь, где битва ведется всерьез, а не в вычурных доспехах, но и награда обретается подлинная, ей захотелось не потерять меня. Она сказала, что соблазнит меня, потому что знает, какой восторг вызывает у меня ее тело. Я ответил, что соблазнить меня ей не удастся. Она не поверила, потому что знает, как сильно я ее желаю. Прав я, а не она. «Почему?», – ты спросишь. Потому что я обладаю влюбленностью и желаю сохранить это чувство, во что бы то ни стало.

Помнишь битву у Херонеи¹³⁵, Луций? Когда всадники Архелая¹³⁶ шли на нас с горы, и удар их казался от этого еще страшнее, мы скупно и сурово пошутили друг с другом, вспомнив риторические упражнения у Эвфориона. Нам нравится красиво говорить, красиво жить и красиво умирать. И пошутив кратко и холодно, мы были хладнокровны, потому что оба знали, как ненасытно любим мы жизнь. Мы берегли для нее ненасытные «галльские» поцелуи.

Любопытно, что чувствовали те гладиаторы, которые впервые ринулись за Спартаком на наши когорты с высот Везувия?

Возвращаясь в Капую, я поехал уже не через Нолу (по слухам, тамошние места слишком опасны из-за взбунтовавшихся рабов), а через Путолы. В Геркулануме я остановился немного передохнуть и виделся с Филодемом. Он передает тебе самый искренний привет и не забывает о благодеянии, которое ты оказал ему в Афинах¹³⁷. Филодем – все такой же Φιλόδημος и не только¹³⁸. Беседуя с Филодемом, я словно опять углубился в столь приятные мне спокойствие и негу сада Эпикура, однако его бесспорно мудрую атараксию видел уже сквозь некую нереальную сказочную дымку: хотелось видеть *ее*. Но это было уже *тогда*... Как ни странно, Везувий с вырвавшимся из него вулканом¹³⁹ гладиаторского бунта *тогда* был гораздо ближе моему

¹³⁴ *Мирмиллон* и «галл» – практически тождественные виды гладиаторов. Название *мирмиллон* получило преобладание в эпоху Империи (преимущественно в форе *mirmillo*), однако было в обиходе и в эпоху Республики, возможно, уже во времена Луциллия, у которого засвидетельствовано впервые (правда, во фрагменте, который считается сомнительным: *mirmillonica scuta*). У Цицерона оно выступает в форме *mymillo*. Традиционно название «мирмиллон» производят от рыбки *mormyrus* (или *mormyrus*), изображение которой венчало шлем мирмиллона. Одно из «Писем» Эмилия Сабина (не вошедших в настоящий сборник) содержит экскурс о подобии (или тождестве) этой рыбки с египетским оксиринхом. Ср. *Письмо VII*.

¹³⁵ Речь идет о событиях 87 года до н. э. Весной Сулла переправился из Италии в Эпир и послал Луция Лукулла, бывшего тогда в звании про-квестора, вперед во главе авангарда. Легат Бруттий Сура вел весьма успешные бои с армией Архелая у Херонеи, но был вынужден отойти в Македонию по приказу явившегося от Суллы Лукулла. Как явствует из «Писем» Эмилия Сабина, отряд Лукулла принял участие в одном из этих сражений.

¹³⁶ *Архелай* – полководец Митридата, руководивший военными действиями в Греции во время Первой Митридатовой войны.

¹³⁷ *Филодем из Гадар* (ок. 110 – ок. 40 г. до н. э.) – известный философ-эпикурец и поэт, живший и творивший в Геркулануме. Очень яркую характеристику Филодему дает Цицерон («Против Пизона». 68-72): это весьма образованный и талантливый писатель и поэт, живущий за счет своего покровителя. Филодем для Цицерона – типичный «некий грек» (*Graecus quidem*) или «гречишка» (*Graeculus*). В Италии Филодем появился незадолго до описываемых событий (ок. 75 г. до н. э. или несколько позже). До того Филодем жил в Афинах, где и получил образование.

¹³⁸ Намек на стихотворение Филодема к разным женщинам по имени Демб, в котором он шутивно объясняет собственное имя как «любитель Демо» (Палатинская Антология. V, 115).

¹³⁹ Последнее до описываемых событий извержение Везувия произошло около 700 г. до н. э. Тем не менее памятники античной литературы сохранили смутные воспоминания об активности этого вулкана. (Напр. *Диодор Сицилийский*. IV, 21, 5:

состоянию. Кстати, места и по эту сторону Везувия тоже небезопасны, хотя и не настолько, как со стороны Нолы. Впрочем, небезопасна и сама Капуя, откуда вырвалась первая искра этого пожара, но в *этой* опасности я, как ни странно, нахожу даже особую угрожающую прелесть, которая будоражит кровь, – еще одно из многих сочетаний *ars gladiatoria* и *ars amatoria*.

Вышли мне что-нибудь стоящее о военном искусстве в Пергамском царстве вообще и об *ars gladiatoria* в частности.

«Равнина же эта называлась Флегрейской по имени горы, извергавшей в старину страшный огонь, почти как Этна на Сицилии. Гора эта называется ныне Везувием и хранит многочисленные следы бушевавших в древние времена пожаров»).

Письмо VII (Скилла)

Lucius Lucio salutem.

Да хранят тебя боги. Пожелание это – не пустые слова: я верю в покровительство богов, потому что меня они хранят.

В эти смутные дни, когда наша армия потерпела поражение, столь страшное в виду возможных его последствий, сколь и позорное, молю богов, чтобы они не отвели свои покровительственные длани от Рима.

Я узнал о поражении Гая Кассия¹⁴⁰, когда здесь, на юге Италии угроза, казалось, уже висела в воздухе. Я не удивился – я был готов, как готов ко многому с тех пор, как посвятил себя исследованиям гладиаторского искусства. Но и для меня удар этот был сильным. Вздорное бегство жалких гладиаторов (жалких и смешных с точки зрения нашего, римского порядка вещей), несуразная гибель первых наших когорт, вызывавшие поначалу только досадное недоумение да остроты авторов комедий, обернулись внезапно потерей десятитысячной армии Гая Кассия.

Помнишь снежную лавину, ринувшуюся на нас в Альпах, Луций? Помнишь ту жуткую красоту, которая грозила нам гибелью? Тогда казалось, что сила и угроза ее – в ее массивности, в ее тяжести, в ее свирепом движении. Теперь я знаю, что сила и угроза ее – в ее непостижимости и в ее естественности одновременно. Что может быть более естественно, чем падение вниз огромной массы, что может быть непостижимее, чем внезапное и произвольное ее движение? Что может быть жутче внезапного рева природы среди лунной тишины? И что может быть жутче ее непостижимости?

Так и Спартак. Он ошеломил нас своей победой над Кассием и еще больше – своим внезапным нежеланием идти к Альпам. Говорят, после битвы при Мутине опьяненные победой ближайшие сподвижники Спартака окружили его с обнаженными мечами в руках и угрозами заставили повернуть на Рим. Ты веришь в это, Луций? Я нет.

Нечто совершенно противоречащее здравому смыслу свершилось. Мы ведь значительно сильнее. Пусть наши лучшие армии сражаются в Испании и в Азии, однако мы есть Рим. Мы неодолимы. Но именно то, что действия Спартака противоречат законам логики, и делает его непостижимым, делает его страшным, как та альпийская лавина. Почему он не пошел к Альпам?

Представляю себе, что творится теперь в Риме. Чернь, как всегда в подобных случаях, возбуждена и нагла в испуге своем. Всюду, наверное, переполох, цены на хлеб растут, вожаки толпы – те самые ораторы, которые только «глас народа», но не его повелители, – наверное, орут какие-то имена и вспоминают свершения, славные в далеком и недалеком прошлом. Наверное, опять призвали этрусских гадателей и устроили погром каким-нибудь сирийцам или обломили рога Исида. В каком участке неба ударила молния? Не погасли ли звезды в созвездии Арктура? Стоит ли все так же член у статуи Приапа? Впрочем, не думаю, что фециал метнул копье от «колонны войны»¹⁴¹, ибо нет в мире ничего презренней войны с рабами, и войны на Сицилии¹⁴² научили нас, что Рим есть основа миропорядка, а мы, римляне, несокрушимы.

¹⁴⁰ Речь идет о битве при Мутине в Цисальпийской Галлии (совр. Модена) в 71 году до н. э. См. *Плутарх*. Красс. 9, 11. *Гай Кассий Лонгин*, консул 73 года до н. э. (вместе с Марком Теренцием Лукуллом, братом Луция Лукулла), выступал впоследствии в качестве свидетеля на процессе Верреса.

¹⁴¹ Обряд официального объявления войны. *Фециалы* – жреческая коллегия, занимавшаяся объявлением войны. «Колонна войны» (*columna bellica*) находилась близ храма Беллоны: фециал метал оттуда копье на земельный участок близ Фламиниева

И, тем не менее, угроза висит в воздухе и здесь, и красные плащи наших легионеров кажутся пыльными и выцветшими, а доспехи их совсем потускнели в лучах полуденного солнца. Банды, составленные из прислуги здешних богачей, среди которых также много беглых рабов, обнаглели вконец. Разбой и насилие не только на дорогах, но и на виллах и даже в городах, и раньше никого особенно здесь не удивлявшие, стали теперь повседневной закономерностью. Имя Рима никого более не сдерживает, скорее наоборот – подбивает на дерзость, годами прикрывавшуюся трусостью.

Здесь даже небо словно подернуто испугом и угрозой. Впрочем, в этом есть какая-то прелесть, несмотря на пыль и зной.

Я покинул Луканию и двинулся через Бруттий на крайний юг Италии.

Горы Бруттия бесплодны, бесчувственны, безразличны. Они никогда не взорвутся огнем, не содрогнутся от землетрясения. Каменный щит, который словно отражает от этой земли всякую радость и превращает в камень всякую боль. Кажется, будто Лета-Забвение – не река, но равнины Бруттия.

Власть Рима здесь весьма призрачна. Такое впечатление, будто находишься не в Италии, а где-то за Альпами или в Испании. Здешние племена, bruttii, издавна славились разбойным и мятежным характером. Когда-то они подчинялись луканам, но во времена Дионисия Младшего¹⁴³ восстали и обрели независимость, которую сохраняли, пока здесь не появился Ганнибал, а после него – мы, римляне.

цирка, символически считавшийся «вражеской территорией».

¹⁴² Речь идет о двух Сицилийских восстаниях рабов – 135–131 и 104–100 годов до н. э.

¹⁴³ *Дионисий Младший* – тиран Сиракуз (367–357 гг. до н. э.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.